

Александр Зорич

Ничего святого (сборник)

«Автор»

Зорич А.

Ничего святого (сборник) / А. Зорич — «Автор»,

Войны далекого будущего – со сверхчеловеческой мощью и сверхчеловеческим оружием... будут ли они отличаться от войн наших?.. Странный мир, в котором переплелись мотивы научной фантастики и фэнтези, европейской, ближневосточной и индейской мифологии... Каков он? Сильный и жестокий «профессиональный герой», вынужденный защищать двух нелепых и неудачливых девчонок... Зачем? Фантастика юмористическая и серьезная... Научная фантастика – и фэнтези... Повести и рассказы от автора знаменитого «Звездного десанта по-русски» – романов «Завтра война» и «Без пощады»! В сборник вошли произведения: • Топоры и Лотосы • Ничего святого • Серый Тюльпан • Конан и Смерть • Второй подвиг Зигфрида • Клятвопреступники • О, сергамена! • Мы неразделимы • Хэллоуин

© Зорич А.

© Автор

Содержание

От автора	5
Топоры и Лотосы	6
1	6
2	13
3	18
4	26
5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

От автора

Будут ли войны в будущем? Боюсь, да. Уж по крайней мере военные останутся точно. Но с кем могучее, технически развитое человечество, Сверхчеловечество станет воевать? Каковы будут цели этих войн, каковы средства их ведения? Эти вопросы всегда волновали писателей-фантастов, и здесь я исключением не стал.

Впервые «Топоры и Лотосы» увидели свет в известном фантастическом журнале «Если», и среди читательских откликов мне не однажды встречались вопросы: «Отчего ваше человечество будущего столь неприглядно? Отчего так агрессивны военные, недальновидны аналитики, жадны политики?»

Признаться, оригинального ответа на этот вопрос у меня нет. А неоригинальный ответ прост: если тенденции социокультурных трансформаций, которые являет нам день сегодняшний, сохранятся и окрепнут, у нас не будет никаких оснований надеяться, что спустя несколько веков мы попадем в сияющий новый мир высоких отношений и подлинно гуманистических ценностей – условно говоря, в мир братьев Стругацких, мир Полдня. Люди «Топоров и Лотосов» достигли технологических высот и освоили просторы галактики, научились глотать гигабайты информации, как микстуру, и перестраивать человеческий организм, превращая лучших бойцов своих армий в неуязвимых активантов. Однако общество, сделавшее своими кумирами информацию и технологию, со всей неизбежностью будет иметь ахиллесову пятую. И тойланги – разумная инопланетная раса – будут искать ее, пока не отыщут. Что будет означать для людей поражение в войне с тойлангами?

Рассказ об этом я вложил в уста Искандера Эффендишаха, полковника военной разведки (Бюро-9), – человека не менее остроумного, чем я, но куда более выносливого и отважного.

Топоры и Лотосы

1

Большой художник работает крупными мазками

Космический пейзаж на экранах был убогим, как личное дело интенданта Луны.

Патрульный крейсер «Симитэр» степенно швартовался ко второму ярусу башни регламентного обслуживания. Башня была прозвана репортерами НС-новостей Пятым Интернационалом за характерную конструкцию, на практике воплотившую фантазию старинного русского футуриста Татлина.

Гигантский мобил-док «Бетховен» вчера завершил ремонт повреждений, полученных во время рейда тойлангов на нашу передовую базу в секторе Свинцового Солнца. Полчаса назад «Бетховен» завершил расстыковку с Пятым Интернационалом и теперь медленно отползал прочь от Паллады, готовясь к выходу на джамп-траекторию.

Три легких корвета класса «Фламинго» болтались на высокой орбите Паллады с выключенными маршевыми двигателями. Они дожидались, когда неповоротливый «Бетховен» завершит свой скучный маневр.

Капитаны корветов имели приказ взять мобил-док под свою опеку и сопровождать его в район Сандеи, где концентрировались главные силы нашего флота.

Мобил-док должен был сменить отработавшие двигатели на двух крейсерах 5-й бригады линейных сил, а затем, под прикрытием кочующих крепостей Сандеи, служить передовой базой снабжения и госпиталем на две тысячи капсул для личного состава флота и десанта. Предыдущий госпиталь, спецтранспорт «Парацельс», был уничтожен диверсионной группой тойлангов две недели назад вместе со всеми пациентами, персоналом и неконвенциональным складом боеготовых торпед.

Корветы, мобил-док, «Симитэр» и четыре смешанные батареи противокосмической обороны – вот все, чем располагали мы в секторе Паллады.

Больше и не требовалось. Война велась по всей галактике, но никогда не подходила к Солнечной системе ближе чем на пять парсеков.

Мы вели войну уверенно и неторопливо. Враг номер один отступал к своей метрополии, системе Франгарн. Казалось, еще один натиск – и тойланги примут наши условия капитуляции, которые отбросят их в век парусных флотов, двуручных мечей и вялотекущих экспериментов с природным электричеством.

Служба офицера бортбезопасности чем-то сродни любительскому огородничеству. Баклажаны на грядках поливает автоматика, а ты лежишь в гамаке и дуреешь от безделья. Хочешь почувствовать себя героем? Берешь в руки лейку, трудишься полчаса, а потом... потом снова гамак и единение с внутренним «Я».

Ладно еще присматривать за порядком на настоящем боевом гиганте – дредноуте или кочующей крепости. Там большая команда, много молодежи, там иногда хулиганят у стойки бара, и бортбезопасность получает шансы раз в неделю поиграть мускулами, растаскивая буянов. Опять же: дредноуты все-таки бывают в деле. На борту бушуют пожары, под взорванным реактором от жара лопается бронепалуба и... да-да, есть упоение в бою!

В службе на «Бетховене» упоения не было и быть не могло. Живого отклика в моей душе не встречал и тот факт, что мои полномочия равнялись капитанским. И даже в чем-то их превосходили.

Полномочия... привилегии... статус...

Майор моего возраста – слезоточивый анекдот. Я же накануне перевода на должность начальника бортовой безопасности «Бетховена» получил знаки различия старшего лейтенанта. Ох плохо быть королем сапожников...

В число моих привилегий на «Бетховене» входили: каюта с иллюминатором и живым фикусом; персональное кресло на ходовом мостике; право потребления новостей в любое время дня и ночи.

Пока наш док выходил на джамп-траекторию, я как раз и намеревался реализовать это право – под косыми взглядами капитана, навигатора и трех помощников, которые в отличие от меня занимались на ходовом мостике какой ни есть, но работой, а не сосредоточенным убийством времени.

Я достал инъектор и коробочку с новостными пилюлями. Непотребленных новостей было полно: война, спорт, война, политика, война, экономика, война, спорт, война, наука, война, война, война.

Неудивительно, что красно-желтых пилюль у меня скопилось так много: жестокая цензура Бюро-9 превращала военные новости в очень своеобразный продукт. Потреблять его было просто.

Типовой сюжет: интервью с бойцами элитных подразделений (обычно – берсальерами) на фоне поверженной неприятельской техники.

Типовой тон репортера: озабоченный, вдумчивый, заискивающий.

Типовое настроение элиты: яростно-воодушевленное. Глаза горят демоническим огнем.

На вопросы про жизнь – ответы в духе «На линии огня нет командиров и подчиненных, мы все одна семья». На вопросы по существу – «Мы получили приказ работать цель... Мы работали цель... Отработали цель... Потери?.. На войне как на войне!».

Правда, насчет «работать цели» – это пилоты. Элитная пехота в интервью всегда говорит «выброска»: «попрыгали на выброску», «сходили в выброску», «пришли из выброски».

В конце сюжета – дежурное: «Ну что, ребята, следующее интервью уже на Эрруаке?»

В ответ – нечленораздельное, но одобрительное мычание.

Последний, художественный, так сказать, штрих репортажа: спины солдат, уходящих в ядовитый инопланетный туман.

Вот так. Поэтому военные новости я потреблял нерегулярно. И вовсе от них отказался бы, если б не безотрадное безделье на «Бетховене».

Я метил в пилюлю «наука», но так уж получилось, что мой ноготь подцепил одну из красно-желтых с войной. Значит, судьба.

Вздыхнув, зарядил ее в инъектор. Полюбовался, как пилюля стремительно превращается в бесцветную жидкость. И, оперев жерло инъектора в шею, нажал на спуск.

Примерно минуту молекулярные агрегаты с записью новостей добирались до моих нейронных цепей и подготавливали весь химизм, необходимый для временной подмены реальной входной информации на суррогатную. Наконец гипервирусы уместились на моих нейронах как следует, обменялись сигнальными рибонуклеидами, синхронизировались – и понеслось!

Перед глазами вспыхнул логотип НС-новостей. После призывных фанфар и сублоготипа «Война за право быть» пошла реклама.

«Помоги флоту – купи Колизей».

«Часы Occident считают наносекунды до победы».

«Вечный двигатель невозможен! Настанет время и для „Энджин“».

(Титр сладострастного рекламного сплэша: парочка три полные минуты психовремени занимается любовью в нарочито монотонном ритме, и когда потребителю уже начинает казаться, что его будут мучить вечно, мачо и мучача откидываются на смятые простыни и радостно хватаются за сигареты «Энджин».)

Реклама окончилась. Вокруг меня сгустились светло-желтые стены и мягкая мебель кают-компаний какого-то военного звездолета. Разумеется, нашего. За одним из столов над дымящейся чашкой чая сидел популярный репортер Клим Бершов. Его умные, чуть озабоченные глаза смотрели мне точно в переносицу.

Я сидел напротив Бершова в удобном неглубоком кресле. Передо мной на столе стояли два стакана и две чашки. Вода, апельсиновый сок, чай, кофе.

Я выбрал чай.

За что все любят новости в пилюлях? Вкус напитков прорабатывают на совесть. Есть кофеманы, которые по десять раз на дню новостями колются только ради условно бесплатных вкусовых ощущений – сами-то пилюли удовольствие недешевое.

Стоило мне отхлебнуть чаю, как Бершов заговорил:

– Мы с вами находимся на борту транспорта «Кавур». Здесь расположен штаб одного из десантных соединений, которому послезавтра предстоит атаковать Эрруак – последний оплот врага. На «Кавур» только что прибыл командующий передовым эшелоном высадки контр-адмирал Алонсо ар Овьедо де Мицар.

«Куда смотрит Бюро-9?!»

Если б хитрый химизм пилюль не давил все негативные психосоматические реакции потребителя в зародыше, я обязательно поперхнулся бы чаем. Клим Бершов только что разгласил дуплетом две тайны: название штабного корабля и имя одной из ключевых персон Оперативной Ставки Флота!

– Адмирал любезно согласился уделить нашему каналу несколько минут, – продолжал Бершов, – и раскрыть некоторые секреты нашей несокрушимой обороны, давно занимавшие умы миллиардов людей во всей галактике. Да и среди тойлангов, – репортер тонко улыбнулся, – найдется немало любопытствующих, готовых распрощаться с половиной своих плавников, только бы узнать побольше о таинственном «Поясе Аваллона», о котором раньше можно было говорить лишь намеками...

Легок на помине, вошел Алонсо. Ответив на приветствие Бершова резким кивком, он занял свободное кресло.

– Господин адмирал, не хочу злоупотреблять вашим временем и терпением нашего гостя, – репортер кивнул в мою сторону, – а потому сразу задам самый острый вопрос: почему тойланги ни разу не пытались атаковать непосредственно Землю и другие планеты Солнечной системы? Ведь подпространство позволяет флоту любой численности подобраться к Земле вплотную. А дредноутам врага достаточно нескольких минут, чтобы уничтожить на нашей родной планете все живое!

Я знал Алонсо лично и по его недовольным гримасам сразу понял, что нашего рыцаря высокой оперативно-штабной культуры раздражает каждое второе слово *штатской обезьяны*. И обращение «адмирал» (к контр-адмиралу!), и безграмотное «подпространство», и газетный штамп «уничтожить все живое».

Впрочем, Алонсо давал это интервью по высочайшему приказу главкома, то есть был вынужден считать его боевым заданием. Поэтому он справился с раздражением и довольно дружелюбным, чуть снисходительным тоном объяснил:

– Все дело в блок-крепостях, расположенных на поверхности четырехмерной сферы в пространстве Аль-Фараби или, как вы выражаетесь, в подпространстве. Все нелинейные подходы к Солнечной системе, все Ячейки, Ребра и Лопасты Аль-Фараби контролируются этими сооружениями. Любое возмущение в нелинейных структурах заблаговременно обнаруживается автоматикой блок-крепостей. А интерференц-генераторы крепостей вырабатывают пучок встречных, противофазных возмущений...

Контр-адмирал выдавал военные тайны пачками. Я уже ничему не удивлялся и слушал Алонсо вполуха. Я-то по долгу своей былой службы в силовой и общей разведке примерно

представлял себе, как устроена наша нелинейная космическая оборона. Но неужели в благоприятном для нас исходе всегалактической бойни не осталось ни малейших сомнений? И накануне штурма Эрруака было решено выставить на потребу публике святая святых нашей военной технологии?

– Позволю себе перебить вас, адмирал, и напомнить нашему гостю, что любой корабль – например, дредноут тойлангов, – представляет собой в подпространстве волну, бегущую по Лопастям Аль-Фараби...

– Не волну, а пучок волн, – поправил Алонсо. – Но упрощенно, конечно, можно говорить о волне. Соответственно, интерференц-генераторы крепостей делают так, чтобы летящий в пространстве Аль-Фараби дредноут тойлангов попросту сгинул без следа, уничтоженный аналогичной встречной волной, идущей в противофазе.

– Как просто! Как красиво! – Бершов довольно убедительно симулировал энтузиазм любознательного полужайки при встрече с новым чудом технологии.

– Это не так-то просто. – Контр-адмирал самодовольно ухмыльнулся. – Это, я бы сказал, чертовски сложно. И адски дорого. На каждый запуск интерференц-генератора для уничтожения объекта в нелинейном пространстве уходит примерно столько же энергии, сколько и на изготовление этого же объекта с нуля. Хочешь уничтожить крейсер – затратить те же гигаватты, которые требуются на его постройку.

– С натурфилософской точки зрения, – ввернул Бершов, – это легко понять. Уже Лукрецию было ясно: «из ничего – ничто», то есть законы сохранения энергии и материи...

– Лукреций? В моем штабе нет такого офицера! – рявкнул Алонсо.

Это была допотопная шутка из малого типового набора, который кадровые военные используют, чтобы поднять свой рейтинг в глазах развитых школьников и молодых мичманов.

После секундной паузы репортер и контр-адмирал на пару залились взаимопонимающим смехом.

– А позвольте задать неудобный вопрос? – спросил Бершов, когда оба отсмеялись. При этом репортер заговорщически подмигнул мне – пожалуй, чересчур фамильярно.

– Спрашивайте, – со вздохом разрешил Алонсо.

– Эта система нелинейной обороны, которая, насколько я понимаю, и называется «Поясом Аваллона», она... надежна?

Контр-адмирал построжел.

– Ваш Лукреций случайно не писал, что абсолютно надежных систем не бывает? Так вот: их не бывает. Вероятность уничтожения целей нашими блок-крепостями – восемьдесят процентов. Это значит, что на учениях бесследно исчезали каждые четыре корабля-мишени из пяти...

Алонсо помолчал немножко, давая психозрителям время осознать эту статистику, и продолжил:

– Но какой адмирал, хоть землянин, хоть тойланг, отважится атаковать, когда знает, что еще до выхода из пространства Аль-Фараби, то есть до начала линейного сражения, он потеряет восемьдесят кораблей из ста? Кто согласится дать противнику такую фору? А ведь в Солнечной системе уцелевшие корабли будут встречены сорока пятью вымпелами Флота Метрополии! К этому следует добавить, что блок-крепости работают и как посты дальнего обнаружения. На расстоянии в несколько часов реального хода корабль засекается по вторичным возмущениям на Ребрах Аль-Фараби. Информация мгновенно передается в штаб и сразу же доводится до всех флотов, разбросанных по галактике. На случай массового вторжения предусмотрена тревога «Красный Смерч», по которой производится экстренный отзыв сотен боевых кораблей в Метрополию.

– Как я понимаю, «Красный Смерч» не объявлялся ни разу?

– Не объявлялся. А жаль – тойланги остались бы без всего флота, и война была бы выиграна в один день. Но они не настолько глупы... Вот «Белый Смерч», то есть попытки одиночного проникновения вражеских разведчиков, случался трижды. И все три раза разведывательные рейдеры тойлангов бесследно растворялись в нелинейном пространстве, уничтоженные блок-крепостями. После этого тойланги перестали появляться в окрестностях Метрополии. Тойланги выяснили границы нашего могущества и больше рисковать не решаются.

– Тем более что в последнее время им все больше приходится думать об обороне собственной планеты, верно?

– Именно так. А теперь – не обессудьте, мое время вышло. Я должен вернуться к своим прямым обязанностям: рисованию больших красных стрелок на штабных картах.

Бершов вежливо улыбнулся.

– Так что, адмирал, следующее интервью будет уже на Эрруаке?

– Следующее интервью будет на Земле. Правительство напомнило Ставке, что главная задача боевого планирования высадки – сбережение жизней наших солдат. Если сохранность биосферы и физическая целостность Эрруака войдут в противоречие с минимизацией наших потерь...

Тут наконец проявились следы деятельности цензуры, о которой я уже и думать забыл. Контр-адмирал заткнулся на полуслове, стены кают-компаний исчезли, и после второй порции рекламы моя высшая нервная деятельность вернулась в накатанное русло.

Я вновь обнаружил себя на ходовом мостике «Бетховена». Согласно часам, я пребывал в бессознательном состоянии двадцать семь секунд.

Норма. Обычная секунда равна примерно минуте психовремени, которое является мерой информационного обмена в наведенных новостных галлюцинациях. Это, кстати, в прошлом веке считалось главным аргументом в пользу перехода на новостные пилюли: экономия времени в пятьдесят и более раз!

Ясно, что за полминуты в большом мире мало что изменилось. «Бетховен» от Паллады отползал, «Симитэр» к ней подползал...

Все произошло быстро.

«Пояс Аваллона» был одновременно прорван в трех секторах.

Р-раз! —

вокруг Паллады с интервалом в пару секунд одна за другой вспыхнули сорок звездочек; операторы батарей ПКО в полнейшем непонимании констатировали, что визуально наблюдаемые звездочки по данным радаров и грависканеров являются боевыми кораблями первого класса;

ответ на запрос «свой-чужой» – отрицательный;

«Боевая тревога! „Красный Смерч“! Нет, Семь Бездн Аль-Фараби под вашей задницей, повторяю: *боевая тревога!!!*»

Два! —

плотные клинья торпедных стай, паника, вспышки квантовых установок ближней обороны;

огонь, океаны лилового и оранжевого пламени, красный смерч, грохот захлопывающихся дверей; компьютеры опережают наводчиков, хриплое «ур-ра» – это рассыпался на молекулы первый крейсер тойлангов, вслед за ним исчезают в громогласящих разрывах торпед еще три; на входе в боевой пост кто-то орет не своим голосом – автоматическая переборка перебила бедолаге голень.

Три! —

тойлангов все больше;

вслед за первой штормовой волной, составленной из устаревших типов кораблей и отданной на закание нашей ПКО, из подпространства выходят линейные силы флота – стройные, изящные красавцы, похожие на алмазные сосульки, источенные черными прожилками батарей ближней обороны и закутанные в призрачное дрожание защитных полей;

ясно: тойланги уже выбросили в районе Паллады больше сотни кораблей первого класса; против них выходят лишь семнадцать выпелов Флота Метрополии.

Где же остальные?!

– Сир, только что приняты сообщения из сектора Трансплутона и из Пятого Октанта: «Красный Смерч».

– К дьяволу, без них все ясно. Сколько нам еще болтаться на джамп-траектории?

– Три минуты восемнадцать секунд. Но, сир, мы числимся в основных списках флота и считаемся боевой единицей. Мы не имеем права покинуть сферу боя без приказа вышестоящего начальника.

Не знаю, что думал по поводу бредней своего старпома капитан Гриффин ап Гриффин, но в этот момент противник атаковал наш несчастный док. Нам очень повезло, что вся мощь удара сосредоточилась на Палладе и кораблях Флота Метрополии, а нам достались лишь несколько торпед. К тому же нас поддержали огнем корветы.

Только две «бешеные торпеды» смогли прорваться через заградительный огонь и лопнули в нескольких километрах от мобил-дока, выбросив тучи мелких реактивных снарядов с кассетными боеголовками. Обычно такие штуки используют для экологичного уничтожения площадных планетарных целей вроде солнечных энергоустановок или антенн дальней связи. В нас их выпустили явно по недосмотру.

Основную массу снарядов приняло наше непомерно раздутое чрево, в котором могли вольготно разместиться четыре корвета или суперкрейсер. Но несколько штук задели и кое-что жизненно важное.

Первоклассная док-камера мгновенно превратилась в решето, заполненное вакуумом, а боевой пост, в котором я вел бесплодное общение со старпомом, – в угольно-черную пещеру, где воцарились безмолвие и безвременье.

* * *

Наконец кто-то тихонько рассмеялся. Весьма нервно, замечу.

– Господа, у меня на коленях чья-то рука, – сообщил незнакомый голос.

Я сообразил, что как-то незаметно переместился из вращающегося кресла на пол. Сотрясение было настолько резким, а болевой шок настолько сильным, что мое сознание, по всей видимости, предпочло несколько секунд пребывать как можно дальше от тела.

– Это моя, правая, – прошипел я, открывая глаза и с трудом переворачиваясь на спину.

Оказалось, что угольно-черной пещерой боевой пост являлся только по моему мнению.

Света стало меньше, но кое-что еще работало, пара экранов светились, а широкое панорамное окно видеонаблюдения продолжало мерцать в такт биениям неравного боя. Весь пост, от пола до потолка, был заляпан кровью. Рядом со мной лежал старший помощник, превратившийся в рубленую котлету. Я отвернулся.

– Поздравляю. Остальным, по-моему, повезло меньше.

Только теперь я заметил, что повсюду – в креслах, потолочных панелях, в консолях с аппаратурой – едва заметно подрагивают радужные диски. настолько тонкие, что некоторые невозможно разглядеть, не изменив угла зрения.

– Здесь их тысячи, – словно бы угадав мои мысли, прокомментировал все тот же голос.

Я поднялся на ноги, что без правой руки оказалось не так уж и просто. Но ни боли, ни крови не было.

Кроме меня и незнакомого офицера в форме капитана берсальеров, ни одной живой души на боевом посту мобил-дока «Бетховен» не осталось.

Офицер сидел на полу у входа в боевой пост. За его спиной щерилась длинными сколами развороченная взрывом переборка. Правее горбатилось то небольшое, что осталось от капитана Гриффина ап Гриффина.

– Кто вы? – спросил я, неловко вытаскивая уцелевшей рукой пистолет из кобуры на правом боку.

Ничего не могу с собой поделатъ – как и любой офицер бортовой безопасности корабля, я не терплю появления чужаков на ходовом мостике.

А этот человек был чужаком. По данным на конец истекших суток, среди экипажа и пассажиров не было ни одного капитана. И ни одного берсальера.

Мир вокруг летел в тартарары. Но я был вынужден исполнять свой долг. Даже осознавая, что «Бетховен» через минуту превратится в облако холодной пыли.

Берсальер посмотрел на мои нашивки (благо они находились у него на коленях вместе с моей рукой), потом перевел взгляд на меня, потом понимающе усмехнулся.

– Меня зовут Джакомо Галеацци. Я был в отпуске на Земле. Прибыл на Палладу вчера на борту корвета «Серый фламинго». Добился назначения на «Бетховен» за полчаса до вашего отлета. Я очень боялся опоздать в свою роту. Вы ведь знаете, готовится вторжение... Точнее, готовилось...

– Номер вашей части, – потребовал я.

– Меня вносили в вашу базу данных.

Теоретически это было возможно. В последнюю смену в шлюзе «Бетховена» дежурил мой помощник лейтенант Вяземский.

– Номер вашей части, – повторил я громче.

– Только что назначен командиром Семнадцатой Отдельной роты берсальеров, борт приписки – быстроходный десантный транспорт «Кавур». Можете проверить, я недавно переведен из другой части, постоянно дислоцированной в Метрополии. У меня блестящий послужной список. Не такой, как у вас, конечно, но...

Джакомо снова усмехнулся. Ох уж мне эти ухмылочки! Конечно, посмотрев на срез моей руки, любой осведомленный вояка поймет, что я – активант. И все-таки противно...

Я вяло махнул пистолетом – дескать, какая теперь разница? Такой послужной список, сякой...

– Вы что-нибудь понимаете в этом баракле? – Я обвел широким жестом полумертвый боевой пост.

– А что тут понимать? Вон те здоровенные часы отсчитывают время до входа в подпространство. Мы ведь выведены автоматикой на джамп-траекторию... Если автоматика срабатывает, через минуту нас вынесет из этого пекла к чертям собачьим. А если нет – прощайте. Приятно было познакомиться, хоть вы и не представились.

– Искандер Эффендишах.

– А я думал, вы тоже итальянец...

– Нет. Я родился в Ширазе.

Четыре! —

Паллада чудовищно разбухла, увеличившись почти в полтора раза, потом озарилась изнутри малиновыми сполохами и, разбежавшись частой сетью ослепительных прожилок, превратилась в огромный пузырь свежей магмы.

Почти сразу вслед за этим я почувствовал, как тело мое теряет вес, а сознание – четкость. Привет вам, Семь Бездн Аль-Фараби.

2

Нет такой боли, которую нельзя вытерпеть

Автоматика имеет одну приятную особенность: иногда она все-таки срабатывает.

Мириады бесплотных шумов, триллионы энергетических всплесков, нескончаемые шеренги разновысоких зубчиков на кардиограмме Вселенной промчались по Ребрам Аль-Фараби и в районе Сандеи вновь собрались в овеществленное нечто, в мобил-док «Бетховен».

Когда мы вышли из подпространства, я вздохнул с облегчением.

Джакомо улыбнулся.

– Здравствуйте еще раз. О этот новый сияющий мир!

Я попытался улыбнуться в ответ. Получилось неубедительно. Неожиданно для самого себя я признался:

– Честно говоря, в последний момент перед прыжком у меня возникло пренеприятное предположение: если тойланги смогли прорваться через пояс блок-крепостей, не означает ли это, что их знание о структуре Ребер Аль-Фараби качественно превосходит наше? И теперь они в состоянии уничтожить корабль землян в любой точке подпространства?

– Ерунда. Имей тойланги подобную технологию, они уничтожили бы корабли Флота Метрополии во время их прыжка от Солнца к Палладе. Но я своими глазами видел наши дредноуты, принявшие бой с тойлангами.

– Вы быстро соображаете, Джакомо.

– В пространстве Аль-Фараби все происходит быстро.

Я снова попытался улыбнуться. На этот раз попытка удалась.

Мы оба сидели на полу, в десяти шагах друг от друга. Боевой пост чудом сохранил герметизацию – очевидно, нас спас самозатягивающийся подбор внешней обшивки. Надо было что-то решать.

Впрочем, лишний раз напрягать серое вещество, оскудевшее от переизбытка впечатлений, не пришлось. За нас все решила штурмовая партия тойлангов.

Необычайно быстрым, но плавным движением Джакомо бережно отложил в сторону мою несчастную правую руку, одновременно с этим извлек из набедренной кобуры берсальерский «Гоч» и, грациозно обернувшись на сто восемьдесят градусов, взял под прицел коридор, который отлично просматривался сквозь звездообразную пробоину в переборке.

Мне лишних объяснений не потребовалось. Если берсальер извлекает из кобуры оружие – значит что-то неладно в Датском королевстве.

В следующую секунду Джакомо открыл огонь – рассеянный, на предельной мощности, в общем, совершенно мясницкий. Тоже мне снайпер... Теперь «Гочем» можно еще полчаса орехи колоть, пока пушка не перезарядится.

И все-таки хорошо, что Джакомо выстрелил первым. Самокорректирующиеся нити плазмы прочистили коридор на четыре поворота вперед. Если там были вирусы гриппа – нет больше вирусов гриппа. Если были тойланги – нет больше тойлангов. Но это не значит, что их не осталось вовсе.

Если берсальеры славны своей сверхчувствительностью, то мы, активанты, – наглостью.

– Вперед! – гаркнул я, подсакивая к Джакомо.

Свою оторванную правую руку я подобрал на бегу и кое-как запихал отчужденную конечность за пояс. Детям до двадцати трех в просмотре отказано.

Капитан не стал спорить. Он вернул «Гоч» в кобуру и вытащил из нагрудного кармана семизарядный LAIW.¹ Плоская коробочка формата портсигара послушно распустилась в его ладони, превратившись в нечто среднее между эллинской пастушьей флейтой и моделью геликоптера от Леонардо да Винчи.

Мы продрались через сколы бронепластика, выбежали в коридор и, миновав легкой трусцой два поворота, вжались в стерилизованные плазмой стены. Дальше по коридору потрескивали, остывая, останки трех тойлангов в штурмовых скафандрах. Один из них был вооружен аналогом «Гоча». Если бы он выстрелил первым...

Да, точно, они хотели взять «Бетховен» на абордаж. И не по глупости, а по расчету обстреляли док «бешеными торпедами». Истребить живую силу с минимальным ущербом для оборудования, а после этого захватить корабль одним взводом – удачная тактическая импровизация.

Да уж, иначе как импровизацией этот бред объяснить невозможно. Зачем, собственно, тойлангам какой-то паршивый док, если сейчас их торпеды уже гвоздят по Земле?

При мысли об этом мне стало очень грустно. Для сотен миллионов землян Апокалипсис уже начался. А я мечусь в недрах бесполезной жестянки и не то спасаю свою жизнь (для кого?), не то защищаю имущество флота от тойлангов (во имя чего?).

Джакомо с LAIW в руке в отличие от меня не рассуждал, а действовал. Оружие выпустило фантомный бот.

Внешне это выглядело так: та часть пистолета, которая придавала ему сходство с геликоптером Леонардо да Винчи, беззвучно продублировалась. Вперед по коридору, прижимаясь к потолку, шустро устремилось эфемерное полупрозрачное образование – наш разведчик и проводник.

Через несколько секунд Джакомо молча показал мне четыре пальца. Это означало, что фантомный бот обнаружил еще четырех тойлангов и передал эту информацию на LAIW, а пистолет, в свою очередь, телепатически оповестил Джакомо.

Нет, все-таки хорошо, что я не пошел в берсальеры. Просто замечательно. Потому что прежде, чем Джакомо успел приказать пистолету уничтожить обнаруженные цели, невидимая, но необоримая сила швырнула его на пол.

Берсальер завыл, пытаясь сбросить с руки LAIW, который теперь, очевидно, казался ему куском раскаленного железа. Не тут-то было. Канал телепатической связи был заблокирован, оружие перестало слушаться хозяина и продолжало держаться за его ладонь цепким пауком.

В штурмовой группе тойлангов был кто-то, кому удалось запеленговать пистолет Джакомо и прицельно захлестнуть сознание берсальера телепатическим бичом. Помочь Джакомо было нечем. Пройдет еще полторы-две минуты – и он умрет. Перехватить и разорвать невидимую удавку практически невозможно. По крайней мере без второго LAIW. А этого оружия у меня не было, да и управиться с ним я бы не смог: для этого нужно быть берсальером.

Это был конец или почти конец. Я со своим простецким пистолетом прямого боя (скорее полицейская, нежели боевая модель), без правой руки и без скафандра мог теперь рассчитывать разве что на быструю смерть.

Я мысленно попрощался с Джакомо и бросился вперед.

В спасение я не верил. Тойланги обнаружат меня быстрее, чем я смогу применить свой разнесчастный «Фолькер». Плазма затопит коридор, а когда огню придет время исчезнуть, меня уже не будет.

Сейчас, сейчас, прямо вот в эту секунду блеснет вспышка, которую я даже не успею заметить, – и всё. Вечность.

¹ Licht Anti-Infantry Waffe – легкое противопехотное оружие (*универс. язык*).

Череда вспышек. Трескучие хлопки – словно лопаются на сковородке крабы с гарниром из ширазских каштанов.

Я жив.

За поворотом коридора – голос. Человеческий голос, искаженный речевым эмулятором скафандра.

– Есть тут кто живой?!

Если это ловушка тойлангов, значит, я сейчас в нее попадусь. Спрятав «Фолькер» (если что – он мне все равно не поможет), я сделал несколько шагов вперед и оказался под прицелом двух тяжелых пулеметов.

Это были берсальеры Семнадцатой Отдельной роты «Пиза». По крайней мере об этом свидетельствовали нагрудные и наплечные нашивки с молниями, скрещенными над Пизанской башней. Под сенью молний пламенело алое «17».

Нет больше вашей башни, ребята. Земли нет, и Пизы нет, и башни...

Берсальеры стояли по щиколотку в черных угольках. Надо полагать, это было все, что осталось от тойлангов.

Между мной и берсальерами в полу зияла грандиозная дыра. Сквозь нее была видна техническая палуба, над которой стайкой дымчато-янтарных сомиков зависли катера экстренного проникновения «Таракатус». Это где же нас вынесло, интересно, если десантники успели высадиться на мобил-доке почти мгновенно?..

– ...ничего чудесного. «Бетховен» был запрограммирован на выход в центре ордера моей эскадры – он это и сделал. Док передавал SOS в автоматическом режиме, поэтому мы сразу же прощупали вас всеми средствами обнаружения. Впрочем, прилепившийся к вам абордажный катер тойлангов был прекрасно виден и невооруженным глазом. «Кавур» выбросил дежурный взвод берсальеров. В *этом* сражении мы победили, – закончил контр-адмирал Алонсо ар Овьедо де Мицар.

В смысловом ударении на «этом сражении» была легко объяснимая, но, слава богу, пока еще не кощунственная ирония.

Главную новость я узнал сразу же после того, как меня вытащили из медицинского комбайна. Флот Метрополии уничтожен полностью. Единственный вымпел, которому удалось вырваться из Солнечной, – собственно мобил-док «Бетховен». Все батареи ПКО подавлены. Кроме Паллады, мы потеряли Ио, Деймос и Плутон. Военные объекты на Луне и Марсе стерты в порошок. Луна, кстати, треснула.

Но Землю тойланги пощадили. Более того – ими была оставлена в неприкосновенности циклопическая антенна АФ-связи, болтающаяся над Землей на геостационарной орбите.

Во время вторжения тойланги филигранно вырубili залпом нейтронных пушек один усилительный каскад антенны. Из-за этого сигнал «Красный Смерч» не был послан главным силам флота.

Через полчаса после разгрома Флота Метрополии тойланги захватили орбитальный центр АФ-связи, неведь как отремонтировали усилительный каскад (видать, заранее к этому приготовились) и сами связались с нашими главными силами. Поэтому о величайшей катастрофе в земной истории наш доблестный адмиралитет узнал от какого-то тойлангского задрипанца в чине Натиска Премудрости Живьем Родящего. То есть по-нашему – капитана спецназа.

– Так рука у вас точно в порядке?

– Да, конечно. Прирастили чисто, как и не отрывалась никогда.

Я демонстративно пошевелил пальцами перед носом у контр-адмирала. Ощущение было такое, будто от плеча до самых ногтей протянуты огненные струны. И неистовый скрипач пилит по ним железным смычком. Оу-у-у!

– Вы хорошо переносите боль, – без энтузиазма констатировал контр-адмирал. – Скажите, Эффендишах, вам не кажется, что лучшее для нас – это ворваться в систему Франгарна и будь что будет?

– Но тогда их флот уничтожит Землю.

– А вдруг нет? Посудите сами, уже двенадцать часов как у них есть такая возможность. Но они ею пока не воспользовались. А мы зато сможем непосредственно угрожать Эрруаку – их материнской планете.

Вот так логика! Не желая, чтобы Алонсо сейчас закоснел в своем знаменитом упрямстве, что непременно произойдет, стоит мне только начать отговаривать его от удара по метрополии тойлангов, я осторожно заметил:

– Тойланги и впрямь далеко ушли путем трансгрессии конечно-множественных оппозиций...

– Простите? – переспросил контр-адмирал.

– Я хочу сказать, их методы логического анализа и, соответственно, принципы выработки решений сильно отличаются от наших.

– Вот видите, значит, у нас есть надежда!

– Может, и есть. Но сколь бы оригинально ни мыслили тойланги в сферах технологии, изящных искусств и социальной философии, их военно-политические решения, как вы знаете, в целом подобны нашим. На любой акт агрессии с нашей стороны тойланги ответят уничтожением Земли. Я считаю, что мы должны добиться переговоров. Пусть выдвинут свои условия. Мне кажется, что не в нашем положении...

Тут меня разобрала злость, и я резко закончил:

– Непонятно, зачем я это говорю. Что может значить голос какого-то лейтенанта?

– Перестаньте, Эффендишах. – Глаза адмирала метнули в меня пару берсальерских молний. – Если с ваших шевронов когда-то сорвали дубовые листья, это еще не значит, что вы имеете право быть просто исполнительным лейтенантом бортбезопасности вымпела вспомогательного флота.

– Однако именно им я пробыл последние два года.

– Как вы думаете, Эффендишах, почему я хотел узнать ваше мнение относительно вторжения в систему Франгарна?

Как меня злил этот разговор! О, это можно понять, только если учесть, что я был разжалован из полковников в лейтенанты по инициативе капитана первого ранга Алонсо ар Овьедо де Мицар!

– Не знаю. Я даже не знаю, зачем вам говорить с каким-то увечным лейтенантом. В то время как вы, будучи человеком долга, должны пойти и застрелиться.

Адмирал снял шлем. Вся правая половина головы у него была залеплена искусственной кожей.

– Вы хорошо разбираетесь в древнем оружии. Вы меня поймете. Ствол револьвера разорвало в момент выстрела, пуля не смогла пробить череп. Я покинул медицинский комбайн час назад.

Я был впечатлен, но впечатляться солдату не пристало.

– В следующий раз рекомендую воспользоваться «Гочем». Этот не подведет.

– В следующий раз я так и сделаю, – отчеканил адмирал, снова надевая шлем. – А пока что вернемся от Вечности к животрепещущему нерву мировой истории. Я рад, что вы, как и большинство членов адмиралитета, считаете переговоры лучшим средством решения конфликта. Поэтому вашу кандидатуру на пост чрезвычайного посланца Сверхчеловечества можно считать утвержденной. В качестве офицера охраны в состав дипломатической миссии включен капитан Джакомо Галеацци. Вашим заместителем назначен полковник Петр-Василий Дурново. Верительные грамоты и прочие штатские документы получите в каюте Бюро-9.

Там же будет проведен дополнительный инструктаж. В систему Франгарна вас доставит крейсер «Аль-Тарик». Вылет через два часа. Переговоры начнутся сразу после вашего прибытия. Поэтому советую выспаться здесь, на «Кавуре». Удачи, бригадный генерал Эффендишах.

«Член адмиралитета... Чрезвычайный посланец Сверхчеловечества... Дурново, старый хрен... Джакомо жив???»

Впрочем, все ведь понятно. Все ясно как день. Господа адмиралы наложили в штаны. Может, и вправду кто-то застрелился.

Тойланги вышли на связь через нашу орбитальную антенну, показали, что с Землей пока все в порядке, и предложили переговоры. Предложили, разумеется, членам Оперативной Ставки, носителям реальной власти, а не обезумевшему от ужаса Сенату Сверхчеловечества в Дели. Можно считать, что помимо прочих пертурбаций у нас произошел военный переворот.

В подобной ситуации офицеры Бюро-9 на Сандее оказались самыми сообразительными пройдохами в новоявленном правительстве-на-час. И доказали как дважды два четыре, что лучший из лучших – это Искандер Эффендишах, легенда Свинцового Солнца, и Кетрарий, обиженный герой десантной операции на Утесе.

Не говоря уже о том, что Искандерчик – единственный активант, который так и не был активирован. И уж совсем бессмысленно сейчас вспоминать о том, что наш Искандерчик побывал в плену и с той поры ходит в подозреваемых. Об Искандерчике в случае успеха посольства можно будет забыть, а в случае провала – торжественно депортировать в Вечность за преступную халатность или сговор с противником.

Поэтому меня восстановили и даже повысили в звании. Поэтому меня назначили посланцем. Поэтому они будут выполнять любые мои прихоти до той поры, пока не спровадят меня на Эрруак.

Мы, бригаденгенералы Бюро-9, переспрашивать не привыкли. И со всякими там контр-адмиралами мы на «ты».

– Спасибо, Алонсо. Можешь идти. Впрочем, нет, обожди. Запиши, а то забудешь: две бутылки «Клико», паштет из местных омаров, ведро красной икры, дюжина рябчиков, две дюжины устриц и шашлык по-карски.

На большее мне фантазии не хватило. Наверное, сказались два года на стандартном боевом рационе.

– Нет, ящик. Ящик «Клико».

3

Владеющий языком владеет реальностью

– ...Также народ Земли доводит до сведения владельцев пространства, что он восхищен искусством вашего высшего военного руководства, навигаторов и пилотов, которые показали, что равных им нет и не появится никогда ни в Устойчивых, ни в Мерцающих Мирах...

Насчет «нет и не появится никогда» – большой вопрос, конечно. Но бесспорно то, что нет во всей Вселенной второй цивилизации, которая была бы столь же чувствительна к дипломатическому этикету, как тойланги. И, пожалуй, не было еще в истории Сверхчеловечества такого унижительного посольства, как наше.

Я шевелил губами, повторяя нейросуфлера, бубнившего внутри моей черепной коробки заготовленную речь, ощущал полнейшую экзистенциальную опустошенность и абсолютную бессмысленность нашей миссии, но... Но это было моей работой, сполна оплаченной пьяной оргией, которую я справил на борту «Кавура» каких-то шесть часов назад.

Наконец я покончил со вступлением и, сохраняя трагедийно-возвышенное выражение лица, замолчал. Тойланги, к слову, превосходно разбираются в мимике разумных рас вообще и человеческой в частности. Это тем занятнее, что, по моему мнению, у самих тойлангов что-либо даже отдаленно похожее на мимику отсутствует напрочь.

Моими слушателями были трое отнюдь не первых помощников Управителя Пространств Удаленных, то есть, в эквивалентных земным реалиям терминах, заместители или даже, точнее, секретари министра иностранных дел.

Они восседали на рубиновых тронах за стеной из прозрачного пластика, который ограждал «земной» дипломатический сектор от агрессивной атмосферы Эрруака.

Справедливости ради следует отметить, что вблизи тойланги выглядят совсем не так, как их принято показывать в НС-новостях. То есть они *не* похожи на офицеров SS старогерманского Третьего Рейха в масках крокодилов. Потому что в обычной жизни тойланги не носят боевых биомасок, о чем среди наших ньюсмакеров принято забывать с восхитительной легкостью.

В родном Управлении Пространств Удаленных тойлангский чиновник носит длинный золотистый халат поверх умопомрачительно синих шаровар, галстук цветов первопричинных стихий и хрустальные очки. Если к этому прибавить треуголку, увенчанную сияющей звездой, вокруг которой вращаются двенадцать крохотных планеток, то станет ясно, с какими милыми созданиями мне довелось общаться в Управлении.

Главный чиновник шевельнул губами.

– Большой художник работает крупными мазками, – сообщил транслятор.

Лично я понимал это и без перевода, но вообще транслятор был не лишним. Стоит чиновнику перейти на стихоречь, и перестану понимать даже я...

Поэты доморощенные... «Премудрости владельцев пространства, или Энциклика Древностей» – приблизительно так называется настольная книга каждого тойлангского воина, цитатник философских красот, гордость местного шовинизма.

Перл насчет «крупных мазков» помещался в начале раздела седьмого, после максимы «Владеющий языком владеет реальностью», перед непритязательным натурфилософским наблюдением «Бесперая рыба не летает».

У тойлангов превосходно развиты изобразительные искусства и, в частности, масляная живопись. При всей несхожести наших цивилизаций масляные краски и кисти здесь тоже известны издревле. Кисти, правда, изготавливались тойлангами не из свиной щетины, а из перьев летающих рыб. Тех самых, каковые без таковых не летают. А вот краски были вполне обыч-

ными. По химсоставу они недалеко ушли от тех, которые смешивали на палитрах Рогир ван дер Вейдена и Ханс Меммлинга.

Я, а вместе со мной стоящие за моей спиной Петр-Василий и Джакомо восторженно зааплодировали. Ну как красиво сказано, вы подумайте: «Большой художник работает крупными мазками»! Ведь это ж надо!

Впереди было еще по меньшей мере четыре часа протокольной болтовни. И вся эта пытка – ради эфемерной надежды узнать, что же тойланги намерены делать теперь.

Теперь, когда главные силы вражеского флота повисли на орбите Земли.

Всё могло закончиться в любой момент. «Всё» – это моя, например, жизнь. И история матушки Земли заодно.

Потому что не было ни малейших резонансов, что тойлангов заботят жизни полутора миллиардов землян. Возможно – заботят. Возможно – нет. И не было в Метрополии эскадры, способной задержать тойлангов до подхода наших главных сил, которые огромной, бессмысленно скученной армадой болтались в Треугольнике Ле Дюка, между Сандеей и Тарнемом.

Итак, тойлангов сохранение нашей молоденькой разумной расы не интересовало. А Земля как космическое тело их не интересовала и подавно. Потому что из всех пресловутых природных ресурсов на Земле по большому счету была только уйма «легкой» соленой воды и гигатонны кремниевых соединений. Такого добра в галактике – валом.

Выводы: Землю можно было уничтожить, потому что никакой практической выгоды для владельцев пространства она не имела, а оперативные возможности у них были, да еще и какие. А мое посольство и крейсер «Аль-Тарик» можно было уничтожить просто так. Не вдаваясь в размышления о смысле сей экзекуции.

К слову сказать, с предыдущим посольством так и случилось.

– Ты что-нибудь понял? – спросил Петр-Василий, когда мы откипали в джакузи.

Каждый в своей, разумеется: Петр-Василий в одной, Джакомо в другой, а я в положенной мне по рангу третьей, большей двух предыдущих, вместе взятых. В моей ванне, между прочим, кроме меня, плавали еще два осетра и метровый тунец. До такой степени похожие на живых, что я сам себе начал казаться рядом с ними неполноценным кибермехом.

Диковинные вкусы были у предыдущего посла, да благословит Всемиловитый его несовершенную душу.

– Понял, хотя за точность не ручаюсь. Даже транслятор сбоил. Слишком сложная началась смысловая полифония в семнадцатом стихе. И до тридцать пятого она только усиливалась. А вот потом была чистая риторика, это я гарантирую. Общий смысл этой говорильни – решение о судьбах Земли и землян снизойдет на Единое Управление Пространства в День Кометы. А пока что можно отдыхать.

– Не согласен! – Джакомо хлебнул еще шампанского (натурального!), шумно прополоскал зубы и выпустил его на пол пенной струйкой (это натуральное-то!!!). – То, что вы, сир, называете риторикой, и было самым главным! Они хотят, чтобы мы перестали употреблять в пищу рыбу, отказались от своей нечестивой религии и заучили наизусть «Премудрости владельцев пространства».

– Да нет, ерунда, – махнул рукой Петр-Василий. – Ты слушай Искандера. Когда ты еще девочек полагал дефективными мальчиками, Искандер уже грязюку месил в каком-нибудь героическом болоте. С тяжелым, заржавленным пулеметом на плече...

– Лестная характеристика! – фыркнул я. – Слышал, Джакомо? А когда тебе стало ясно, что все не так, что ты – всего лишь дефективная девочка, я уже ого-го! С новым пулеметом в благоустроенном блокгаузе раскладывал перистозубых пришельцев на свет, тепло и нематериальную эссенцию, именуемую душой.

Джакомо запустил в меня бутылкой из-под шампанского.

Это было резко. Это было совершенно необъяснимо. Это не было шуткой, ведь литровая емкость из настоящего, толстого бутылочного стекла – предмет убойный. Среагировать я не успел, потому что не был активирован. И очень надеялся, что до этого не дойдет.

Из моей джакузи вырвалась серебристо-синяя тень.

Блеснула ослепительная вспышка. Паф-ф-ф!

Вихрь стеклянной пыли взвился на полпути от Джакомо к моему виску. Все, что осталось от бутылки, просыпалось на пол.

Органическое... нет, полуорганическое... нет, кибермеханиче... В общем, охранный агрегат, представлявший прежде тунцом, теперь висел в воздухе на том самом месте, где нашла свой конец бутылка из-под шампанского. Агрегат настороженно гудел и паялся на пошедшего зелеными пятнами Джакомо черными жерлами четырех черных стволов.

«Ожидаю приказаний», – постучалось в мою черепную коробку.

– Спокойно. Не стрелять, – ответил я вслух.

От мыслеприказов у меня всегда начинается жуткая мигрень. Поэтому я предпочитаю устную форму общения даже с телепатически управляемыми механизмами.

– Джакомо, ты с ума сошел, да? – спросил я по возможности ласково.

Джакомо молчал и трясся крупной дрожью. Вид у него был нездоровый.

– Кажется, у нас начались неприятности, – мертвым голосом сказал Петр-Василий.

– Что вообще характерно для нашего судьбоносного времени, – согласился я, не сводя глаз с Джакомо.

Через секунду наш берсальер упал в обморок. Вечеринка закончилась.

Мы засунули Джакомо в медицинский комбайн. Я оставил при нем Петра-Василия, а сам вышел на связь с «Аль-Тариком».

Теоретически канал дипломатической связи защищен от перехвата на сто один процент. Импульсы имеют длительность в одну-две миллисекунды, а шифрование осуществляется четырьмя независимыми алгоритмами, которые превращают текст в плотно упакованную абракадабру; кроме этого – никаких голограмм, никакого стереозвука и психохимии. Из большого бронированного куба вылезает лента, покрытая буквами, – вот и вся картина, достойная Золотого Века.

В том режиме, который я выбрал, лента растворялась в воздухе за три минуты.

Могла бы, конечно, и за несколько секунд. Но системы наружного наблюдения сообщали, что вокруг нашего посольства все спокойно. Непосредственной угрозы захвата секретной информации не было, и я мог позволить ленте пожить пару лишних минут.

«Аль-Тарик» на связи. Что у вас?» – осведомилась лента.

«Тойланги намерены ждать до Дня Кометы. Больше я не вытянул из них ни слова. Они даже не сказали точно, когда этот проклятый День Кометы наступит. По моим оценкам – в ближайшие пять стандартных суток. Вы можете посчитать точнее?»

«Тайм-аут пять минут», – ответила лента.

Я поднялся из кресла, закурил и прошелся по комнате секретной связи вперед-назад.

День Кометы – это редкий сакральный праздник... м-м-м, не праздник даже... скорее Событие с большой буквы.

Эрруак, родная планета тойлангов, кружится вокруг звезды, которая называется Франгарн. Кроме Эрруака, в планетной системе еще много различных небесных тел. В том числе небольшой объект, который во флотских атласах проходит как Франгарн-164. Эрруак, кстати, в этих же атласах именуется Франгарн-5. Ну что сказать! Космофлотчики народ суровый, фантазия у них ограниченная. Дай им волю – начнут Землю называть Солнце-3, а Луну – Солнце-31.

Франгарн-164, а на языке тойлангов просто Комета, – небесное тело довольно необычное.

Эрруак имеет период обращения четыре с небольшим земных года, а Комета – приблизительно шестьдесят пять. Удивительно, но факт: если период обращения Эрруака возвести в третью степень, с точностью до восемнадцатого знака получится период обращения Кометы.

Проще говоря, периоды обращений этих двух небесных тел – Кометы и Эрруака – удивительно точно синхронизированы. О причинах этого нашим астрофизикам остается только гадать. Но как бы там ни было, раз в шестьдесят пять земных лет (и один раз в шестнадцать эрруакских) Комета проходит в нескольких десятках тысяч километров от Эрруака.

Десятки тысяч километров по космическим масштабам – это ерунда. Пышная газовая грива Кометы раздувается на солнечном ветру Франгарна и полностью поглощает Эрруак. Прохождение планеты через газовый хвост Франгарна-164 вызывает множество природных феноменов. Ионизация стратосферы резко возрастает, на планете бушуют магнитные бури, ночное небо переливается всеми цветами радуги.

Эта астрофизическая вакханалия, постепенно нарастая, длится примерно две недели. Днем Кометы называется ее апофеоз – стояние Франгарна, Эрруака и собственно Кометы почти на одной линии, когда блеск ледяной гостии достигает максимума. После этого буйство небес идет на убыль, и уже через двадцать стандартных суток Комета превращается в обычную яркую звезду.

У Эрруака нет естественных спутников, ночи там – всегда безлунны. Можно себе представить, какое впечатление производили на древних тойлангов редкие, но регулярные визиты космического тела, во много раз превосходящего нашу знаменитую комету Галлея по размерам и светимости.

Неудивительно, что судьбы Сверхчеловечества тойланги собрались вершить именно в День Кометы.

На бронированном ящике станции дипломатической связи замигала красная лампочка. Тайм-аут закончился.

«Двадцать девять стандартных часов», – было написано на ленте.

Итого чуть больше суток до принятия рокового решения... Чуть больше суток!

«Принято. Что Земля?» – отстучал я.

«Тайм-аут полчаса».

Довольно-таки неучтиво. Они что там, на «Аль-Тарике», с ума сошли?

Тайм-аут в пространстве – не то же самое, что в шахматной партии. Получасовой тайм-аут, который объявляет боевой корабль первого класса во время сеанса связи с посланцем Сверхчеловечества, – это грохот гонга «Все по местам!» и блеск абсолютных отражательных пластин на боках неопознанного объекта длиной в четыре мили, который внезапно выносит нелегкая из-за ближайшей планеты.

Или...

На моей памяти такое случилось один-единственный раз в системе Свинцового Солнца. Флагман нашего десантного соединения ушел со связи, выпалив в эфир открытым текстом истерическое: «Тайм-аут два часа». Но не прошло и полутора, как мы увидели в сумеречных небесах Тоддструффа нарядную сверхновую звездочку: последний привет от флагмана.

Позднее выяснилось, что в систему прямо из нелинейного пространства вывалился матерый Мерцающий Беглец. Вместо того чтобы мгновенно свернуться и выбросить споры, он случайно зацепился за пилон с маневровыми двигателями флагмана. Двигатели были включены, а потому защита временно снята. Редчайший случай, вероятность ноль целых ноль десятых.

Пилон, конечно, не выдержал соприкосновения с иноматериальными структурами Беглеца и исчез. Поэтому часть спор Беглец отстрелил прямо в коридор, проложенный в пилоне для техперсонала...

Невозможно себе представить, что творилось на флагмане. Все видеоматериалы, уходившие по аварийному каналу с борта корабля, были изъяты офицерами Бюро-9. После этого случая маневровые двигатели на всех крупных кораблях демонтировали, а пилоны отрезали. Необходимость снимать защиту отпала, а маневрировать начали на жутко дорогих, но надежных гравитационных конвертерах.

Ну и правильно. Уже семьдесят лет шли разговоры, что импульсная тяга на тяжелых кораблях – технический атавизм, за который сражается кучка отставных адмиралов, акционеров «Легокомоторной Группы».

Правда, чтобы компенсировать затраты на перевооружение, пришлось ввести экстренный налог на роскошь. Тогда же Сверхчеловечество пошло на беспрецедентный шаг: объявило о продаже частным лицам знаменитых архитектурных памятников.

«Помоги флоту, купи Сфинкса!» – выводили на облаках лазеры рекламных корпораций. Вполне закономерно, что флоту помог владелец «Объединенных Верфей Земли и Трех Красных Гигантов», главный подрядчик армии и флота. Теперь Сфинкс находится в тридцати пяти световых годах от места своего рождения.

Нет, все не то.

Дурацкие воспоминания не помогли. Как ни пытался я абстрагироваться от беспощадной реальности, кинжал тойлангов, приставленный к горлу Земли и, следовательно, к моему горлу тоже, не давал о себе забыть ни на миг.

Тревога меня не покидала. Что с «Аль-Тариком»? Неужели тойланги воспользовались правом сильного и все-таки атаковали корабль?

Прошло всего лишь десять минут. Оставалось еще двадцать. Да ну вас к черту, пойду лучше посплю. Может, в последний раз...

Девятнадцатиминутный сон для обычного человека – отдых незавидный. Но для натренированного офицера силовой разведки, каким некогда был ваш покорный слуга Искандер Эффендишах, – уже кое-что.

К тому же я активант. Правда, все расширенные возможности моего перестроенного до последней молекулы организма были заморожены. Но даже замороженный активант восстанавливает свои силы во сне куда быстрее обычного homo sapiens.

Я проснулся за несколько секунд до писка будильника. Сразу же вернулся в рубку дипломатической связи. «Аль-Тарика» в эфире не было.

Из входного контроллера раздался голос Петра-Василия:

– Искандер, можно с тобой поговорить?

Рубка дипсвязи – одно из наиболее надежно охраняемых помещений посольства. Входить в нее имел право только глава посольства, то есть я. Остальным требовалось разрешение – либо мое, либо входного контроллера. Последний имел право самостоятельно пропускать других членов посольства лишь в случае моей смерти.

– Можно. Впустить полковника Дурново!

Кессон остроумной цилиндрической конструкции провернулся на сто восемьдесят градусов, принял Петра-Василия и, вернувшись в исходное положение, доставил его внутрь рубки.

– Искандер, наш медицинский комбайн только что завершил обработку типовых анализов капитана Галеацци. Результаты... – Дурново судорожно сглотнул, – результаты неожиданные.

Я так и думал – Петр-Василий не стал бы сейчас беспокоить меня без весомых причин. А этот берсальер меня смущал с первой минуты знакомства на борту «Бетховена».

– Галеацци – не человек? – спросил я, приготовившись услышать какой угодно ответ. Даже «да».

– Что?.. Нет, – полковник слабо улыбнулся, – человек. Без сомнения, человек. И генетически, и морфологически. Но в его крови обнаружено присутствие широкой гаммы неспецифических агентов.

– Наркотики?

– Хуже. Неизвестные гипервирусы. Что, согласишься, довольно странно, ведь допущенные к свободному пользованию гипервирусы – например, те, которые поставляются в информационных пилюлях, – в организме человека существуют не более двух-трех минут.

– И что ты сделал?

– Я – ничего. А комбайн сразу вколол ему унцию универсального фага.

– Разумно. У Галеацци есть право на потребление НС-новостей в пилюлях?

– Да. Такое право есть у каждого берсальера – с ограничением третьего типа.

Ограничение третьего типа – это значит «в любое время, в любой обстановке, кроме непосредственного выполнения боевого задания».

– Ты проверил его инъектор и пилюли?

– Я их не нашел. Зато я заглянул в его личное дело...

– Откуда оно у тебя?!

– Мне и твое выдали, – глядя мне в глаза, спокойно сказал Петр-Василий. – В каюте Бюро-9, на борту «Кавура».

Я скрипнул зубами. Все-таки это свинство: выдавать на руки полковникам досье бригадных генералов!

– На каком основании?

– Им было очень интересно, почему тойланги вызвали для переговоров именно тебя и Галеацци.

– Полковник, выражайтесь точнее.

– Ты ведь, наверное, думал, что командование выбрало тебя за былые боевые заслуги? – почти сочувственно спросил Петр-Василий. – А на самом деле, когда тойланги потребовали прислать официальных представителей Земли на Эрруак, они специально оговорили, что в посольстве должны быть Искандер Эффендишах, Джакомо Галеацци и некто Франтишек Смыгла, капитан войск связи.

Петр-Василий пристально следил за моей реакцией. Фамилия Смыгла мне ни о чем не говорила. А потому и реакция у меня была стандартная – легкое удивление.

С заметным облегчением полковник продолжал:

– Но Смыгла, согласно сообщению с Земли, поступившему в базу данных Оперативной Ставки Флота накануне прорыва «Пояса Аваллона», позавчера умер. Или погиб – это как посмотреть. Тело капитана нашли на дне бассейна во дворе его дома. На теле – никаких следов насилия. Судя по всему, капитан просто потерял сознание, захлебнулся и утонул. К слову сказать, капитан служил на наземном правительственном узле связи в Дели.

Я, конечно же, сразу сопоставил факты: оба – и Смыгла, и Галеацци – без видимых причин падали в обморок, будто старинные дамочки, а не боевые офицеры! А со слов Петра-Василия, в крови Галеацци бродят какие-то подозрительные гипервирусы. Следовало бы ожидать, что и у Смыглы с кровью было не все в порядке...

– А кадровое управление получило заключение военно-медицинской комиссии о причинах смерти?

– О непосредственных причинах смерти – да. Непосредственные причины я назвал: захлебнулся, утонул. Но результаты вскрытия и анализов, которые были, конечно же, проведены – случай-то дурнопахнущий! – в Оперативную Ставку Флота попасть не успели. Ты же знаешь, что через АФ-связь такая информация ходит пакетами раз в сутки. А теперь вся уцелевшая АФ-связь в руках тойлангов, то есть Земля и Ставка друг о друге могут что-либо узнать только из сообщений наших врагов. Что уж говорить о служебной информации...

– Ну хорошо. Смыгла утонул. Галеацци тоже мог бы утонуть в своей джакузи, если б мы его не вытащили. Оба были затребованы тойлангами. И я тоже нахожусь здесь с подачи наших врагов. Стало быть, ты пришел мягко намекнуть, что и мне не мешает сдать кровь на анализ?

– Именно.

– Кстати, а ты-то на самом деле как попал в это проклятое посольство? Твое имя тоже было названо тойлангами?

– Нет. Мое присутствие здесь – единственная уступка, которой удалось добиться Ставке от тойлангов. Ставка сообщила им, что Смыгла мертв. Клятвенно заверила, что тебя и Галеацци введут в состав посольства, после чего попросила разрешения включить третьим номером меня. Вместо Смыглы. Мотивировалось это тем, что я хорошо понимаю тойлангский язык, а для посольства, дескать, это очень важно.

– Ясно. А тойланги, проворчав «Когда судьба не слушает тебя, прислушайся к судьбе», согласились.

– Это тоже из «Премудростей владетелей пространства»?

– Да нет, что ты. Поговорка древних тойлангских пролетариев. А «Премудрости» написаны аристократами для аристократов.

Шла сороковая минута тайм-аута.

«Аль-Тарик» на связь не вышел.

Петр-Василий не доверял мне. Я не доверял Петру-Василию. Мы оба не доверяли Галеацци.

Отлучаться из рубки связи я по-прежнему не хотел. А вдруг «Аль-Тарик» все-таки объявится?

Мы взялись за изучение досье. Я читал про берсальера, Петр-Василий – про меня.

Итак, капитан берсальеров Джакомо Галеацци. Двадцати девяти лет от роду.

За время войны принимал участие в шести серьезных рейдовых операциях (всё прочее – боевое охранение, эскорт VIP-персон, ближнюю разведку – считаем операциями несерьезными). Четырежды ранен, трижды награжден.

Ссылаясь на ухудшение состояния здоровья после ранений, восемь месяцев назад подал рапорт о переводе из действующей армии в Метрополию.

Что ж, такое бывает. Не следует думать, что все берсальеры горят желанием каждый божий день «ходить в выброску». Навоевался человек. Захотел поработать инструктором, передать опыт молодому поколению экстрасенсов...

Просьба Галеацци была удовлетворена. И назначили его заместителем командира Второй Отдельной роты берсальеров «Мерсия».

Вроде бы все гладко. Но что за «Мерсия»?..

– Ты когда-нибудь о такой роте слышал? – спросил я полковника.

– Никогда. И города такого в Италии нет. По-моему. А ведь это давняя традиция: все подразделения берсальеров называть по итальянским городам.

– А что это вообще такое – Мерсия?

– Я думал, ты знаешь.

– Первый раз такое слово вижу.

– Сходить поглядеть в омнипедии?

– Сходи.

Дурново сделал несколько шагов к выходу и остановился.

Я обернулся.

Полковник смотрел на меня нехорошо.

– Может, составишь мне компанию?

– Боюсь прозевать «Аль-Тарик».

- Поставь машину на запись.
- Если меня у аппарата не будет, на крейсере могут решить, что посольство уничтожено.

Представляешь последствия?

- Логично.
- Так что давай иди. Заодно поглядишь, не пришел ли в себя Галеацци.
- А если пришел?
- Веди сюда. Проследи только, чтобы оружия при нем не было.
- Арестовать его официально?
- Это лишнее.

Петру-Василию очень не хотелось оставлять меня одного. Но пришлось.

Я вернулся к чтению досье Галеацци.

Итак, восемь месяцев старший лейтенант прослужил в роте «Мерсия»...

Где? В Метрополии.

Но где именно? На Земле? На Луне? На одной из многочисленных орбитальных станций?

На Палладе? Трансплутоне?

По этому вопросу личное дело Галеацци хранило пустозначительное молчание. Только последняя неделя его пребывания в Метрополии была освещена в копиях документов сравнительно подробно.

Вторым числом текущего месяца датирован приказ о переводе старшего лейтенанта Галеацци на Палладу. Через три дня ему было присвоено звание капитана. Тогда же берсальер получил предписание прибыть на транспорт «Кавур» и занять должность командира роты «Пиза».

Последнее обстоятельство более-менее понятно. Численность штурмовых частей, предназначенных для высадки на Эрруаке, требовалось резко повысить без ощутимой потери качества. Для этого на базе каждого двух рот формировали добавочную третью, разбавляя ветеранов пополнением из учебных центров. Само собой разумеется, Галеацци как опытного и заслуженного офицера отозвали из Метрополии в действующую армию и планировали поставить его на вакансию, которая открылась из-за общего расширения штатов.

Но тут случился внезапный прорыв тойлангов через «Пояс Аваллона», и капитану не довелось командовать «Пизой» ни одного дня.

Чем же все-таки эта таинственная «Мерсия» занималась в Метрополии и почему я о ней никогда не слышал? Какова природа гипервирусов, которые обнаружил в крови Галеацци медицинский комбайн? Откуда имя и фамилия капитана известны тойлангам? Кто такой Смыгла? Зачем они хотели видеть этих двоих в составе посольства?

И, в конце концов, зачем им понадобился я?

Правда, на последний вопрос я мог если и не ответить, то по крайней мере продуктивно пофантазировать. Думаю, после ознакомления с моим досье удалось пофантазировать и полковнику Дурново.

4

Нет такого врага, которого нельзя сделать своим другом

Во время переломной стратегической операции войны – битвы за двойную звездную систему Кетрарий – я руководил объединенной разведкой Седьмого Флота и приданного ему десантно-штурмового корпуса. Я носил полковничьи погоны, но контроллеры всех адмиральских дверей пропускали меня без писка.

На меня работали десятки людей в двух штабах, целая флотилия кораблей технического шпионажа и сотни бойцов элитной пехоты.

Это были веселые деньки.

Вместе с разбитым катером мы подбросили неприятелю «секретные документы» и заманили в ловушку разом три тойлангских крейсера.

Вычислив точное местоположение одной из планетных комендатур, мы провели молниеносный рейд, в результате которого была захвачена живьем дюжина родовитых тойлангских аристократов.

Мы минировали джамп-траектории и взрывали антенны АФ-связи. Отслеживали каждое перемещение неприятельских дредноутов и искали надежные посадочные площадки для десантных транспортов. Мы добыли Седьмому Флоту победу.

К сожалению, у наших соседей из Пятого Флота дела шли куда хуже. В то время как наш корпус, выполняя общий план, надежно блокировал ключевые индустриальные центры на планетах Луг и Дол, десантные части Пятого Флота завязли на противоположном конце громадной звездной системы. Они вгрызлись в тойлангскую оборону на планете Утес, но через четыре дня начали нести такие потери, что своими силами продолжать наступление уже не могли.

Утром того несчастливого дня, когда десант окончательно выдохся, адмирал Пирон потопился доложить в Ставку, что все первичные задачи на Утесе выполнены. Когда через час от десантников посыпались доклады о многочисленных и весьма болезненных контрударах тойлангов, ситуация сложилась щепетильная. Боеспособных сил под рукой у Пирона больше не было, а просить помощи у Ставки значило расписаться в том, что ты своими победными реляциями сознательно дезинформировал верховное командование.

Пирон связался с моим начальством из штаба Седьмого Флота. Те пообещали в течение суток определить, сколько батальонов можно перебросить в помощь соседу. А мне приказали любыми путями добыть *достоверную* информацию о вооруженных силах тойлангов на Утесе. Родная разведка Пятого Флота скомпрометировала себя ротозейством, и полагаться на ее данные в ближайшие два-три дня никому не хотелось.

Приказ, полученный мною, был невыполним. Разведка – занятие ювелирное, требующее прецизионных инструментов и монашеской усидчивости. Впопыхах можно работать только кувалдой – с соответствующим результатом.

Наверное, приказ и нужно было сразу опротестовать как невыполнимый. Меня бы сняли с должности, назначили служебное расследование и... оправдали. Уверен, что после разбирательства я вернулся бы к любимой работе, сохранив и честь, и погоны.

Но успехи на Луге вскружили мне голову. К тому же я еще не использовал по назначению экспериментальный взвод активантов, который берег на случай непредвиденных обстоятельств. Сам я тоже был не прочь при необходимости *катализироваться*, хотя и побаивался: такое насилие над природой мог пережить не всякий...

Ливень. Перенасыщенная электричеством атмосфера планеты увешана гирляндами шаровых молний. Под крылом катера – бескрайний полярный лес.

Когда десантники с Утеса давали нам координаты безопасной посадочной площадки, тойланги, по их данным, были еще далеко. Но приземляться нам пришлось уже под обстрелом.

По прибытии в штаб десантного корпуса я рассчитывал оттуда разослать по два-три активанта во все полки – техническая связь с большинством из них была потеряна еще несколько часов назад. Затем, собрав первичные сведения со всех боевых участков, направить доклад адмиралу Пирону и дальше действовать по обстановке. Я был готов к тому, что эти «действия по обстановке» потребуют проведения импровизированных разведывательных рейдов по тойлангским тылам. Но я никак не ожидал, что на мой взвод ляжет вся ответственность за спасение десантного корпуса.

А получилось вот что.

Штаб корпуса, который представлял собой плавающую посреди затопленного леса консервную банку размерами с гандбольное поле, к моменту нашего появления контакт с войсками потерял окончательно. Об этом можно было и не спрашивать. Когда мы подлетали на бронетранспортере к расположению штаба, сквозь ливень проступили машины узла связи – разбитые вдребезги, полузатопленные, заваленные вырванными с корнем деревьями.

Из разговора с деморализованным генералом я узнал, что тойланги взорвали ледники в горах. Те сползли вниз, снесли плотины на местной реке калибра Ганга, и из-за этого лесистая равнина, которую корпус избрал для высадки, переживает генеральную репетицию Всемирного Потопа. Эту историю с ледниками я отнес на счет фронтального психоза полевых командиров, но воды от моего скепсиса не убавилось.

В довершение неприятностей тойланги применили новые автономные мины-торпеды, которые в условиях местных затопленных лесов были практически необнаружимы. «Ведь мы же все-таки сухопутная армия, а не морской флот!» – в сердцах воскликнул генерал.

Благодаря своей расширенной сенситивности приближение мин могут чувствовать берсальеры. Но по-настоящему эффективную противоминную оборону им удалось организовать только час назад, уже после разгрома корпусного узла связи. Не будь берсальеров, герметичные блоки штаба тоже были бы подорваны.

Что ж, после получения таких сведений я мог считать нашу миссию выполненной. В подобных условиях никакие дополнительные батальоны положение спасти не могли. Когда управление войсками потеряно – много не навоюешь.

Корпус – вернее, то, что от него осталось, – требовалось немедленно с Утеса убрать. Правда, для обеспечения эвакуации нужно было установить связь с полками, рассеянными по дуге радиусом двести километров, и выдать им карт-бланш на отступление. Но эта задача была в принципе решаемой. Для этого требовалось либо перебросить с Дола один-два воздушных командных пункта, либо...

– Сир, осознаете ли вы, что сейчас ваш корпус может быть спасен только полной эвакуацией?

– Нет. Нам просто требуется перегруппировка. Мы можем закрепиться на сухих возвышенностях здесь, здесь и здесь.

Генерал показал на карте, где именно.

– После этого, – продолжал он, – я переброшу штаб сюда, дождусь подкреплений и возобновлю наступление.

– Сир, но как вы намерены осуществить перегруппировку, если у вас уже сейчас нет возможности доводить свои приказы до командиров полков?

– Полковник, не пытайтесь думать за весь десантный корпус. Вы разведчик? Вот и разведывайте. А принимать решения предоставьте другим.

Тут в наш разговор вмешался один из штабных офицеров – невысокий подполковник с забавной бородкой клинышком.

– Сир, признаю, что я – лично я – допустил грубые просчеты в планировании этой десантной операции. Готов взять на себя всю ответственность за неудачу нашего корпуса. Но полковник Эффендишах совершенно прав: мы нуждаемся в эвакуации. Мы должны просить, чтобы транспорты начали ее так быстро, как это возможно. А указанные вами возвышенности следует причесать тяжелыми плазмометами и использовать в качестве посадочных площадок.

Это был Петр-Василий Дурново. Я проникся к нему уважением с первой минуты нашего знакомства.

Конечно, вразумить генерала нам не удалось. Такова природа начальства: чем лучше совет, исходящий от подчиненного, тем сильнее генеральская психика сопротивляется голосу рассудка. Наверное, мы с Петром-Василием имели шансы на победу, если бы, заранее сговорившись, провели хитроумную макиавеллиевскую распасовку мнений, сомнений и контрмнений таким образом, чтобы золотая мысль «а не пора ли драпать?» зародилась у генерала как бы самостоятельно. Но за стенами штаба берсальеры с треском расстреливали все новые цепи атакующих тойлангских мин, злобно перекликались гром и ливень, в соседнем блоке за тонкой пластмассовой мембраной хирурги пользовались раненых. Судя по воплям, скальпелем служила циркулярная пила, наркозом – хорошо если новостная пилюля.

В такой обстановке было не до игр с генеральским самолюбием.

– Воля ваша, си-ир. – Когда я злюсь, начинаю протягивать некоторые гласные. – Перегруппи-ируйте-и-вайтесь. Но какие будут при-иказы для моего разведзвода?

– Срочно возвращайтесь на орбиту. Доложите обстановку как есть. Донесите до адмирала Пирона нашу решимость сражаться. Самым неотложным образом мы нуждаемся в берсальерах, средствах связи и левитирующих транспортерах. Я сейчас же высылаю в полки курьеров с приказом занять сухие возвышенности, вырубать лес и готовить площадки для приема десантных кораблей.

Я покосился на подполковника Дурново. Тот – лицо чернее тучи – оформлял донесение командира корпуса на официальном бланке.

При нашем разговоре присутствовали еще несколько офицеров – безмолвные статисты, окончательно потерявшие волю к самостоятельному мышлению, а вместе с ним и к жизни.

«А ведь большинству этих болванов сейчас предстоит пролететь на уцелевшей броне по двести—триста километров, разыскивая потерявшиеся части. Эх, пропадает корпус почему зря...

Мне отсюда до катера – двадцать минут. Полет до флагмана – час с лишним. В лучшем случае через полтора часа я привезу командованию донесение генерала и свое персональное мнение: корпус с Утеса надо выводить. Послушают, конечно, генерала, а не меня. При этом, пока Пятый и Седьмой Флоты будут согласовывать дальнейшие действия, пока будет вырабатываться боевой приказ, пока, в конце концов, в штаб корпуса доставят новое оборудование связи...»

С такими невеселыми мыслями я засунул бланк донесения в сканер своего скафандра и, запасшись таким образом электронной копией, поместил оригинал в герметичный транспортный контейнер.

Мне оставалось только пожелать смертникам всего хорошего.

– Удачи, сир, – генералу. – Удачи, коллеги, – Петру-Василию и другим офицерам.

В комнате охраны штаба меня дожидались активанты.

«НУ????!!!» – прочел я в их глазах.

– Мы здесь лишние, джентльмены. Возвращаемся.

Если бы не субординация, они, наверное, разорвали бы меня в клочья – как сторожевые псы, которым на всю свору в качестве обеда выдали одну сморщенную морковку.

Мы надели шлемы, вышли под дождь, погрузились на транспортер и осторожно поползли через позиции берсальеров.

В это время в семидесяти километрах от нас ракетный дивизион тойлангов (по данным разведки Пятого Флота, он числился полностью уничтоженным в первый день операции) завершил топографическую привязку к местности. На блоки наведения ракет было выдано полетное задание, и железные карандаши начали парами покидать пусковые пеналы.

Конечно, в ту минуту я об этом не знал. Но когда из командирской башенки транспортера я увидел тусклые проблески огня над прикрывающими штаб корпуса зенитными батареями, стало ясно, что сейчас из облаков что-то вывалится.

И действительно, с небес посыпалось все вперемешку: обломки, горящие сгустки неотработанного топливного геля и, к сожалению, исправные боеголовки ракет, которым удалось прорваться сквозь меткий, но недостаточно плотный зенитный огонь.

Пузыри жидкого пламени, фонтаны пара и грязи, трухлявые потроха растерзанных ударной волной деревьев, шипящие сопла разжиженной стали...

Можно ли выжить в точке закипания стали?

К счастью – можно. Потому что поверх обычной брони на новую боевую технику накачивают еще три миллиметра искусственного алмаза.

Наш транспортер был новейшим для того времени произведением концерна «Объединенные Верфи», который, вопреки своему судостроительному названию, выпускал в придачу к боевым кораблям половину всей сухопутной техники Сверхчеловечества. А вот на универсальных блоках, из которых был набран штаб корпуса, генеральный заказчик сэкономил. Обычный многослойный полимер между двумя листами ингибированного алюминия – хорошая защита только от дождя.

Формально я не подчинялся командованию корпуса и не должен был принимать участия в поисках и спасении уцелевших штабистов. С другой стороны – тоже формально! – я был послан на Утес, чтобы оценить сложившуюся обстановку.

Десять минут назад обстановка была одна. Теперь, когда в довершение всех несчастий был разгромлен штаб, стала совершенно другой. Какой именно – я был обязан разобраться!

Повинуясь моему приказу, транспортер направился туда, где в водоворотах черной дымящейся воды светлели обваренные тела.

Через четверть часа обстановка снова прояснилась.

Генерал и большая часть офицеров штаба попросту исчезли. Их смерть подтвердили независимо друг от друга трое самых чутких берсальеров. «Нет биотоков. Только смутные отзвуки смерти», – заключили они.

Выжили и отделались чепуховыми царапинами Петр-Василий, два хирурга и начальник службы тыла. Остальные офицеры получили сильные ранения.

После гибели генерала и большинства полковников старшим по званию среди дееспособных оказался я.

– Ну что, подполковник, как спастись будем? – спросил я у Петра-Василия. – И как корпус спасти?

– А что тут думать, полковник? – в тон мне ответил Дурново. – Все уже ясно.

И вправду.

Мы быстро поделили остатки подвижного парка штабной бронекolonны. Составили несколько курьерских групп по две-три левитирующие машины в каждой и особые группы: медицинскую и штабного ядра. Медицинская группа должна была отвезти раненых к нашему высадочному катеру и доставить туда двух посыльных, для которых я быстро надиктовал новую разведсводку и координаты зон, в которых полки будут дожидаться эвакуации на орбиту.

В курьерские группы выделялись по несколько берсальеров и по трое моих активантов. Каждая группа должна была разыскать определенный полк и передать ему приказ об отступлении на такие-то позиции. Штабное ядро во главе с Петром-Василием отправлялось вместе с

той группой, которая была назначена в ближайший полк. Я – наоборот, определил себе место среди тех, кому предстояло пройти самый длинный маршрут.

Все активанты получили от меня разрешение при встрече с противником использовать кольцо-катализатор. И напоминание, что потеря самоконтроля, по данным полигонных экспериментов, представляет для активанта опасность куда большую, чем прямое попадание из тяжелого плазмомета.

Тойланги повторили огневой налет – на этот раз по пустому месту. Все группы уже вышли на маршруты.

Какое-то время мы еще переговаривались друг с другом. Я успел получить оптимистический доклад медицинской группы о том, что катер найден целым-невредимым и погрузка раненых начата. Крайние северо-восточные курьеры доложили, что прорываются с боем через заслон тойлангов. Еще кто-то отрапортовал, что приданные группе активанты катализировались. Зачем – я узнать не успел. Переговоры потонули в помехах, начала сказываться недостаточная мощность бортовых передатчиков.

Мы летели по просеке, прорубленной нашими инженерными танками несколько дней назад. Как и везде на равнине, земля здесь была покрыта водой. Насупленные берсальеры прощупывали местность. Нарваться на затаившуюся под водой мину сейчас, после того как посчастливилось пережить ракетный град, было бы особенно обидно. Я сидел в командирской башенке, за спиной у оператора оружия, и усердно буравил взглядом окружающий нас лес.

Никто за нами не гнался. Никто в нас не стрелял. В просветах между стволами деревьев открывались лишь все новые и новые деревья. Одна и та же порода: толстостволовые растения с задубелой корой, по фактуре напоминающей слоновую шкуру. Ветки увешаны пучками стручкообразных листьев. У большинства деревьев листья были густого буро-зеленого цвета, на некоторых – черные. Эти, чернолистные, судя по всему, свое отжили.

Ливень постепенно превратился в дождь, дождь – в морось.

Местность стала выше. Из-под воды выглянули засиженные пестроголовыми грибами макушки кочек.

Еще через несколько километров сплошной водный покров распался на узор из отдельных озер и озёрец, соединенных змеистыми перемычками ручьев.

До арьергардной заставы искомого полка оставалось немного. В эфире даже начали проскакивать обрывки переговоров на командной частоте – свидетельство того, что в полку еще кто-то жив и даже бодр. Правда, монотонные вызовы нашего радиста по-прежнему оставались безответными.

Радар зенитной самоходки, которая следовала в нашей группе замыкающей, нащупал сквозь туман главный ориентир: верхушку сопки, на склоны которой я рассчитывал отвести полк. До сопки оставалось десятка два километров.

Мы проделали большую часть пути без единого выстрела. Мы не встречали никаких следов боестолкновений вдоль просеки. Похоже, победные реляции, которыми поначалу сопровождалось развертывание корпуса на Утесе, имели под собой некоторые основания.

«Может, не генерал был дурак, а мы с подполковником паникеры? – подумал я. – В конце концов, разгром штаба корпуса еще не означает разгрома боевых частей...»

– На сопке коробки. Повторяю: на сопке коробки, – доложил оператор радара.

Коробки – общее обозначение для любой сухопутной техники. Не говорить же, в самом деле: неопознанные объекты искусственного происхождения?

«Вот бы наши!»

Тут же поступил еще один доклад – от сержанта-берсальера:

– Впереди чужаки. Оценка: тысяча метров. Мы готовы вести огонь на поражение.

– Дай целеуказание – и гасите от души!

– Сир, просим разрешения использовать кольца-катализаторы. – Это был Адам Байонс, сержант активантов.

Я сделал вид, что не расслышал. Надо было отдать боевой приказ.

– Колонна, внимание! Сбросить скорость, головная машина вправо, вторая влево, зенитка – в центр! Открыть кормовые люки в готовности к спешиванию! Огонь – по целеуказанию берсальеров!

– Сир, просим разрешения использовать кольца-катализаторы.

– Не вижу прямой необходимости!

Амбразуры и башни наших машин расцвелились вспышками. Шквал плазмы, пуль и малокалиберных снарядов обрушился на тойлангскую засаду.

– Коробки опознаны. Самоходки типа «Шакал».

«Шакал» – условное название из нашей системы обозначений для тойлангской техники. «Значит, на сопке все-таки тойланги, не мы. Ах, черт, как же ее обойти?»

– Опознание надежное?

– Да. Каждая стволы задрала. Похоже, заметили нас и теперь целятся. На радаре видна пара характерных засечек – ни с чем не путаешь.

«Этого только не хватало! „Шакал“ с двадцати километров в туза попадает. И прошивает любую броню – алмазная накатка тут уже не спасет».

– Колонна, внимание! Разворот на полгоризонта! Убираемся отсюда на предельной скорости!

– Наблюдаю залп «Шакалов»! Восемь снарядов в воздухе... Повторный залп! Прогноз цели по траектории – наша группа.

Если секунду назад я надеялся, что тойлангские артиллеристы нас не заметили или заметили не нас, то теперь приговор моим бронеединицам можно было считать подписанным.

– Сир, просим разрешение использовать кольца-катализаторы.

– Разрешаю! Машины – на землю! Всем спешиться!

Снаряды «Шакалов» летят с гиперзвуковой скоростью и промахи дают только по праздникам. На то, чтобы выкарабкаться из бронегробов и залечь за деревьями, нам оставались считанные секунды.

Но ведь были еще тойланги в засаде, которую мы только что обстреляли по целеуказанию берсальеров! Хотелось бы надеяться, что мы положили всех, но так бывает только в мечтаниях безусых кадетов. На войне готовься к худшему.

Хотя к самому худшему я, как оказалось, готов не был.

Стоило мне отбежать от транспортера на несколько шагов, как из-за деревьев прямо мне навстречу вылетело семейство шаровых молний: три-четыре крупных и семь-восемь мелких.

Вот че...

Я был добычей женской особи по имени Ресту-Влайя. Росту в ней было за два метра, силищи – как у призовой конкурсной кобылы.

Она принадлежала к доминантной расе тойлангов, которая, как считалось, полторы тысячи лет назад возглавила борьбу других рас с захватчиками из космоса. Этих полумифических захватчиков тойланги называли «гиши» – дословно «жаднейшие».

По ее мнению, я говорил на языке тойлангов «как гиши». То есть, думалось мне, неважно.

Ресту-Влайя была очень молода. По тойлангским нормам, возраст позволял ей служить в регулярной армии только бегуном (по-нашему – рядовым). Она могла поступить на правительственную службу, отбыть некоторое время в бегунах, затем занять должность командира пятерки, затем – пяти пятерок, и после этого получить звание Боренья Слова Передающего. То есть лейтенанта.

Любопытно, что просто просидев дома в течение двух лет и соответственно повзрослев, Ресту-Влайя по первому своему требованию получила бы то же самое офицерское звание автоматически, ни дня не пробыв в армии – хоть действующей, хоть бездействующей. Для потомственных аристократов подобная практика была в порядке вещей: биологический возраст заменял реальную выслугу.

Мы считали, что именно такие квазиофицеры превращали отлично оснащенную технически армию тойлангов в достаточно посредственный инструмент галактического владычества. Пока война велась на узком фронте и можно было ограничиться использованием профессиональных частей, тойланги дрались как львы. Но в тотальном противостоянии озверевшему Сверхчеловечеству они должны были рано или поздно сломаться – что и случилось в конце концов в сражении за систему Кетрарий.

Голос расы не позволял моей Ресту-Влайе идти в бегуны. Но и ждать два долгих эрруакских года она не желала.

Ресту-Влайя спешно нуждалась в офицерском патенте, ведь без него карьера каллиграфа была тойлангу заказана. Таковы традиции этого древнего и мудрого народа.

Чтобы законно и публично заниматься любым искусством – не только каллиграфией, – тойланг должен получить Испытат. А Испытат, как ясно из названия, выдают только после ряда испытаний, среди которых получение младшего офицерского звания представляется не самым трудным. Неполный список испытаний таков: четыре месяца полного одиночества; подтвержденные официально контакты с четырьмя сексуальными партнерами; многоступенчатые экзамены по истории искусства (скажем, поэт должен был помнить наизусть сорок тысяч четверста сорок строк из классиков) и еще несколько, которые можно для простоты назвать комплексом спортивных упражнений.

Если же тойланг без Испытата имеет наглость составить крохотное стихотворение или нарисовать пейзажик размером с ладонь, он подлежит смерти. Ни много ни мало.

Ресту-Влайя была одержима стихосложением. С детства в ее немаленькой дельфинячьей голове слова самопроизвольно сплетались в венки, складывались в ажурные арки, громоздились друг на друга массивными пирамидами метафизических поэм.

Была ли она и впрямь неоформленным гением или страдала психической болезнью в социально приемлемой форме? Мне, человеку, ответить на этот вопрос невозможно.

Стихосложение у тойлангов делится на две равноправные ветви: традиционное, подобное земному, и фигурно-графическое. В последнем гармония линий и ритм смены орнаментальных форм наделяются различными смыслами, которые подчиняются правилам особого мета-языка, не имеющего аналогий в человеческой культуре.

Для меня лично стихосложение этой ветви сродни умершему земному искусству каллиграфии, поскольку их фигурные поэмы если на что-то и похожи, так это на наши химические формулы аминокислот, перерисованные придворным китайским писцом времен Конфуция. И хотя я понимаю, что эта аналогия подслеповата на оба глаза, для себя привык переводить тойлангское слово, отвечающее фигурно-графическому стихосложению, просто: каллиграфия.

Как только Ресту-Влайя достигла возраста первичной половой зрелости, она сразу же вступила в борьбу за Испытат. За год ею были свершены все необходимые подвиги – сидение на горе, романы с четырьмя соплеменниками и так далее. После чего она решила двинуться к офицерскому патенту и, стало быть, Испытату наикратчайшим путем.

У тойлангской аристократии считается хорошим тоном формировать частные боевые отряды, я бы сказал – дружины. Оснащение, обучение и экипировка таких дружин проводится из клановых арсеналов. Всё у них собственное: и звездолеты, и бронетехника, и оружие. Кое-что – массовых образцов правительственной армии, кое-что – персональной выделки, кое-что – штучные инопланетные трофеи, предмет постоянной головной боли земной разведки. К сча-

стью, инопланетного оружия у тойлангов немного, и работает оно, как правило, паршиво – вопреки апокалиптическим ожиданиям иных наших паникеров.

Единая стратегия и тактика у тойлангских дружин отсутствуют. Координация действий между дружинами и правительственными частями осуществляется от случая к случаю. Бывало, что на одной стороне планеты мы безнаказанно молотили окруженную дивизию правительственной армии, в то время как на другой несколько мощных дружин вместо удара нам в тыл устраивали чемпионат по запуску воздушных крокодилов.

Иногда, наоборот, разобщенность тойлангских частей действовала против нас – как, между прочим, на Утесе. Позже выяснилось, что разведка Пятого Флота все-таки правильно оценила численность правительственных частей тойлангской армии, но проморгала множество дружин размерами от пятерки до полнокровного полка.

Впрочем, к Ресту-Влайе все эти соображения прямого касательства не имеют. Место службы, состав и военные планы дружины ее не заботили. Важным для нее было только одно положение тойлангских законов: любой аристократ, частным образом заявившийся на войну с соребнителями владения пространством (то есть инопланетной расой) и пробывший в зоне боевых действий сорок четыре эрруакских дня, получал... да-да, тот самый патент младшего офицера с последующим переводом в правительственную армию либо без него – по желанию.

Как так получилось, что Ресту-Влайя оказалась в месте разгрома моей курьерской группы, взяла меня, контуженного, в плен и уволокла в лесную глушь, – я не знал.

Когда взорвались шаровые молнии, я на какое-то время ослеп, и у меня вышла из строя почти вся начинка скафандра. Я понял, что пора надеть кольцо-катализатор, превратиться из человека в ифрита – а дальше будь что будет! Но пока я вслепую нащупывал в кармане проклятое кольцо и выдавливал из него предохранительную мембрану, наши машины были кучно накрыты снарядами «Шакалов».

Взрывная волна подняла и понесла меня очень далеко – через младенческую колыбель, через фисташковые рощи родного Шираза, на орбиту Земли, потом за Трансплутон, потом по звездным рукам галактики, прямо в систему Кетрарий, прямо на планету Утес, прямо под дерево, обтянутое кожей старого слона, привалившись к которому стояла Ресту-Влайя и любовалась трофеями, извлеченными из транспортных отделений и накладных карманов моего скафандра.

Так мы и познакомились.

Первым делом решили безотлагательные вопросы. Я – ее пленник. Если я попытаюсь убежать или напасть на нее, она немедленно меня зарубит. Для этих целей она намеревалась использовать фамильный боевой топор, очень красивый. На длинном, полутораметровом древке.

Также Ресту-Влайя могла меня застрелить, испепелить, оторвать мне голову и, что самое неприятное, неспешно уморить углекислотой, поскольку содержимое моих кислородных баллонов обещало часов через двенадцать подойти к концу, а газовый фильтр скафандра был превращен осколками в зловонную железную хризантему. У нее же был настоящий универсальный синтезатор – в этом отношении эрруакская технология опередила нашу лет на пятьдесят, а может, и *принципиально*.

Не сказать, что синтезатор превращал кучу дерьма в груды золота, но конверсия одних газов и жидкостей в другие осуществлялась им довольно успешно. Синтезатор также умел конвертировать почву и местные грибы в основные блюда тойлангского рациона и, как удалось установить экспериментально, сносно копировал галеты, бастурму и шоколад из моего пайка. Наши же, земные, химические синтезаторы годились только для удаленного получения некоторых лекарственных препаратов, пива и новостных пилюль.

– Выполняет веления моей мысли, – поглядев на меня со значением, пояснила Ресту-Влайя. – Других мыслей не слушает.

Она хотела сказать, что управление синтезатором – только телепатическое и настроено исключительно на свою хозяйку. Другого интерфейса нет. Изготовить себе самостоятельно я не смогу ни стакана биологически чистой воды для питья, ни одного литра кислорода. Следовательно, даже если я завладею синтезатором и убегу, я буду обречен на мучительную смерть в объятиях ядовитых стихий Утеса.

– Приму к сведению.

– Как тебя зовут?

Я представился.

Она назвала себя. Просто Ресту-Влайя, без хвоста фамильных имен, которого можно было бы ожидать от аристократки. Аристократку я сразу признал в ней по боевому топору (ну зачем обычному правительственному солдату топор?!).

– Из какого ты рода?

Таких вопросов тойлангам задавать нельзя. Ресту-Влайя ужасно разозлилась и зашипела:

– Невежда! Еще один подобный вопрос – и я тебя убью!

Я тоже разозлился:

– Убей уж лучше сразу. На все ваши обычаи этикета не напасешься.

В ответ она промолчала. Презрительно или пристыженно – кто знает?

Не люблю затянувшихся пауз. Я решил задать нейтральный вопрос, составленный по канонам тойлангской риторики:

– Доставь мне удовольствие, подтверди мою догадку, высокородная: ты ведь не из числа воителей Единого Управления Пространства?

Ресту-Влайя ответила охотно, почти дружелюбно. Великая сила – вежливость.

– Нет. Я из войска моего двоюродного брата.

(У тойлангов любая дружина – войско, даже когда в ней бойцов ты да я, да мы с тобой.)

– Где же другие воины твоего двоюродного брата?

– Мы с ними свидимся. Со временем.

– Ты родилась на этой планете?

– Нет, на Эрруаке. Мне здесь не нравится – говорят, очень холодно зимой. К счастью, зиму я уже не застану. Буду дома.

«Или в могиле... – подумал я. – Кстати, ведь ее можно сперва запугать, а потом попытаться сагитировать...»

Разумеется, даже в плену я оставался полковником Бюро-9.

– Большая часть околозвездного пространства Кетрарий контролируется нашим флотом. Даже полный разгром десантного корпуса на Утесе не сможет решительным образом изменить ситуацию в вашу пользу. Не хочу тебя огорчать, но домой ты скорее всего не вернешься.

– Почему?

– Правда не понимаешь? Наши корабли охотятся за всем, что движется. Ты и твои соплеменники просто не смогут выбраться с Утеса!

– А как я, по твоей мысли, здесь оказалась?

– Прилетела. Как еще?!

– Пернатые рыбы летают. Ресту-Влайя не летает.

Это была как бы шутка. А с другой стороны – как бы правда. Даже мне, свободно владеющему тойлангским языком эксперту, было нелегко следить за подтекстом и модальностью ее высказываний. Если бы я говорил с человеком, мне скорее всего хватило бы проницательности заподозрить в сказанном нечто большее, чем каламбур или иронический трюизм.

– Хорошо, Ресту-Влайя не летает. Но сейчас будет окончательно сломлено ваше сопротивление на планетах... – Я произнес тойлангские названия для небесных тел, которые проходили в нашем оперативном планировании как Дол и Луг. – Мы перебросим сюда два, а если надо – четыре десантных корпуса! У тебя будет небогатый выбор: либо погибнуть, либо сдаться

в плен землянам. Так почему бы тебе не сделать этого сразу? Если ты отведешь меня к людям, я гарантирую тебе не только жизнь, но и свободу. В разумных пределах, конечно. Мы содержим пленных тойлангов на планетах с подходящей для вас атмосферой, на специально отведенных островах.

Ресту-Влайя выслушала меня внимательно и не перебивая. Но ответила она довольно своеобразно:

– Остров не годится. На острове я уже насиделась.

Я был сбит с толку:

– На каком еще острове?

Высокомерие и амбициозность соседствуют в тойлангах с подкупающим прямодушием. Не смущаясь тем, что мы едва знакомы и я принадлежу к их заклятым врагам, она рассказала мне о каллиграфии, офицерском патенте и крохотной выслуге в рядах своей дружины. И об испытаниях, через которые ей пришлось пройти, прежде чем перейти к соисканию офицерского патента.

– Вот видишь, – сказал я, когда она закончила, – война – не твое призвание. Ты мечтаешь о благородной карьере каллиграфа. А я мечтаю о том, чтобы снова оказаться среди своих друзей. Отпусти меня – и разойдемся каждый в свою сторону!

– Человек, ты стоишь многих благ, от которых я не намерена отказываться. Разговор закончен!

Когда заходила Кетрария А, всходила Кетрария В.

Когда заходила Кетрария В, всходила Кетрария А.

На Утесе бушевало мокрое полярное лето, которому предстояло смениться сухой полярной осенью только через две сотни стандартных суток. Лето здесь было по совместительству заодно и Днем. Чтобы День стал Вечером, требовалось, чтобы Утес, описывающий вокруг Кетрарии А уродливо сплюснутый эллипс, прошел около трети своего годового пути, в то время как вторая звезда системы удалилась бы в противоположном направлении настолько, чтобы ритм восходов-закатов хотя бы отдаленно начал напоминать те, к которым привыкли обитатели нормальных планет вроде Земли.

Небо было равномерно затянуто тучами. Если над невидимым горизонтом проползала Кетрария А, они светились неярким голубоватым светом – премерзким. После недолгих синих сумерек ее сменяла Кетрария В. Тучи розовели, где-то очень далеко ворковал гром. От ливней и сильных гроз судьба нас пока берегла.

Мы тащились через лес уже пятое время суток: голубое – синее – розовое – синее – голубое...

Я недоумевал.

У Ресту-Влайи не было транспортных средств. Она не выходила на связь со своей дружиной. По крайней мере я ни разу не становился этому свидетелем. А дальнедействующей телепатии, как меня научили еще в школе, не бывает. И ведь действительно – не бывает.

«Куда она меня тащит? Какое боевое задание выполняет? И выполняет ли хоть какое-то?»

Ответов не было. Мысли ходили по кругу.

Офицерские часы вместе с отличной системой навигации были зачислены моей амазонкой в трофей. Будучи лишен возможности видеть звезды и оба местных солнца, я даже приблизительно не мог определить направление нашего движения. Местная природа, как назло, тоже не давала подсказок. В опутанном сетью ручьев лесу все было распределено хаотически равномерно: озера и поляны, кочки и грибные россыпи, кусты, похожие на кораллы, и бесформенные груды валунов, которые воображение дорисовывало до благородных руин неведомой инопланетной цивилизации...

Весь Утес, казалось, вымер. По моим представлениям, не далее как в пятидесяти километрах от нас должно было идти жестокое сражение. При любом сценарии – обороне, отступлении или приеме подкреплений, переброшенных с Дола и Луга, – в любое время суток мы должны были бы видеть зарницы на полгоризонта. На то и война.

Но то ли я переоценивал прозрачность атмосферы, то ли ближайшие к нам полки были выбиты до последней бронеединицы, но ничто не намекало на активные боевые действия. Планета казалась мирной, более того – необитаемой.

После моей неосторожной агитации разговаривать со мной Ресту-Влайя не желала. Только время от времени подбадривала меня окриками: «Поживее давай! Плетешься, как носач!»

«Хорошо тебе, – мысленно огрызался я. – Ты можешь дышать здешней кислой дрянью, тебе не нужно потеть и задыхаться в скафандре. Скажи еще спасибо, что имеешь дело с активантом. Обычного солдата уже пришлось бы либо пристрелить, либо тащить волоком».

Нелегко, ох как нелегко мне приходилось. У моего тяжелобронированного скафандра вышел из строя силовой привод левой ноги. Правый-то ботинок я подымал легко, точнее даже сказать, он сам подымался – спасибо встроенным в скафандр электромышцам. А вот левой ногой приходилось пошевеливаться за счет собственных ресурсов.

Я остановился и обернулся.

– Постой.

– Что такое? – Ресту-Влайя, которая следовала в нескольких шагах за моей спиной, вскинула лучевой пистолет.

– Надо отдохнуть.

– Я не устала.

– А я – устал. Я сейчас упаду. И не двинусь с места.

– Нет времени. Надо идти.

– Куда? Куда идти?!

– Увидишь. Будешь шагать или мне выстрелить?

Я открыл забрало шлема (на глаза сразу же навернулись слезы от токсичной атмосферы). Демонстративно сплюнул себе под ноги.

Опустил забрало.

Повернулся и пошел.

Минут через десять Ресту-Влайя сварливо осведомилась:

– Быстрее идти не можешь?

– Нет.

– Хорошо... Остановись.

Она подошла ко мне и принялась критически осматривать меня с ног до головы.

Я, пользуясь тем, что в свою очередь могу ее как следует разглядеть, в очередной раз попытался понять, куда она подевала мое кольцо-катализатор.

Только в нем я видел свое спасение. Тойланг сильнее человека в несколько раз. К тому же у тойлангов превосходная реакция. Только мощное оружие ближнего боя может уравнивать шансы человека и тойланга, если им доведется сойтись один на один. При всей своей отменной подготовке я не мог рассчитывать усыпить бдительность Ресту-Влайи и, применив пару приемов рукопашного боя, овладеть ее лучевиком, дабы превратиться из пленника в пленителя.

Стало быть, я должен был рассчитывать только на дремлющего во мне зверя. Но чтобы его, этого зверя-из-бездны, разбудить, кольцо-катализатор было совершенно необходимо.

Собственно, мне следовало бы «быть мужчиной» (как говорят на моей родине) с самого начала и активироваться в ту самую секунду, когда берсальеры учуяли засаду. Но легко ли «быть мужчиной», когда ознакомлен с историей создания и применения активантов? Исто-

рией, на которой поверх грифа СС, «Сов. секретно», недавно поставили гриф ТВК, «Только для верховного командования», а поверх ТВК с удовольствием налепили бы и мистический ЗП-20, «Закрывается для пользования на двадцать лет» – да вот только война мешала. На войне бесов гоняют силою Вельзевула, не так ли?

В истории общения земной науки с Вельзевулом немало поучительных страниц. Об одной из последних верховному командованию (и моему родному Бюро-9 за компанию) желательно было не забывать. Хотя бы для того, чтобы представлять себе примерные последствия использования активантов.

Вкратце дело было так.

Параллельно с разработкой блок-крепостей «Пояса Аваллона» на Земле велись эксперименты по созданию компактных средств персональной телепортации. Ведь когда космический корабль перемещается от одной звезды к другой через нелинейное пространство, он фактически самотелепортируется на заданную дальность вдоль Ребра Аль-Фараби. Кто-то давным-давно метко назвал ракету пушкой, которая выстреливает не снаряд, а саму себя. Так вот теперь требовалось построить нелинейную пушку, которая стреляла бы на десятки парсеков снарядами в виде людей и других небольших, но полезных объектов.

Такую пушку-телепортер построить не удалось. Объекты исчезали из камеры передатчика, но в приемнике не восстанавливались. Как и предрекали скептики, сравнительно небольшие предметы не обладают достаточным эквивалентом нелинейной массы, чтобы сохранять путевую устойчивость на Ребрах Аль-Фараби. Такие «легкие» предметы уходили с заданной траектории и двигались мимо приемника, бесследно растворяясь в инобытии.

Но человеческая наука – самая упрямая в галактике. Передатчик кардинально переработали, подбавили мощности, а приемник приблизили к нему на смехотворное расстояние в один метр. В качестве телепортируемого объекта избрали контейнер со свежими фруктами: апельсинами, бананами, ананасами. В случае успешной доставки контейнера в приемник ученые рассчитывали исследовать негативные последствия телепортации для растительных клеток. Дальше, в случае успеха, по нарастающей планировались эксперименты с лимонными деревцами в горшках, тараканами, мышами, кроликами, кошками, собаками, свиньями и, наконец, людьми-добровольцами.

Энергия, которую было решено затратить для компенсации малой нелинейной массы, выражалась цифрой с непристойно длинным хвостом нулей. Ни военной целесообразностью, ни тем более коммерческими требованиями подобные затраты оправдать было нельзя.

На это закрыли глаза. Руководству проекта требовалось любой ценой получить хотя бы принципиальное подтверждение возможности стрельбовой телепортации. Ну а получив результат, можно было уже просить дальнейшего финансирования, плодить дочерние лаборатории и кормиться этой темой лет сто.

Итак, контейнер с фруктами был загружен в передатчик, расположенный почти впритык к приемнику посреди необъятного ангара, напичканного телеметрическим оборудованием. Ученые, облачившись в скафандры, поспешили укрыться в бункере.

Щелчок рубильника...

Всеобщий глубокий вдох...

Кнопка нажата...

Данные сенсоров точки отправки: объект исчез.

Данные сенсоров точки прибытия: объект не наблюдается.

Разочарованный выдох.

Решающий эксперимент был провален. Руководство уже прикидывало, как отвертеться от долговой тюрьмы, подчиненные мысленно складывали чемоданы и готовились к преподаванию занимательной физики для детсадовцев-вундеркиндов. Кто-то из теоргруппы истериче-

ски кудахтал: «Но как же так? Но позвольте, господа!.. Бог не играет в кости! Цифры не лгут! Объект обязан, просто обязан вернуться в линейное пространство!»

Теоретика никто не слушал. Понутив головы, все начали расходиться.

Вдруг поступило сообщение от охраны полигона: в сотне метров от ангара, где проводился эксперимент, возникла какая-то светящаяся штуковина. Описать вразумительным образом свое видение охрана не могла, но вполне резонно предполагала, что появление «штуковины» связано с изысканиями яйцеголовых.

Выбравшись на поверхность одышливой толпой, ученые стали участниками событий чудесных и ужасных.

Вылетев из пространства Аль-Фараби, как пробка из бутылки, и контейнер, и его содержимое радикально изменили свои физические свойства. Золотисто-оранжевый столб газообразной материи высотой в рост человека и шириной в два обхвата покачивался посреди двора, где был разбит сад-альпинарий.

Несмотря на свою кажущуюся аморфность, столб был полностью непрозрачен. Зеленая лужайка и живописные валуны вокруг него топорщились множеством мелких складок, вместе создающих призрачную, *ирреальную* рябь.

В действительности оранжевый столб был гроздью Квантов Аль-Фараби. Но этому термину предстояло появиться многим позже.

Математик, который взывал к Богу, не играющему в кости, оказался самым проницательным.

– Господа, это может быть опасно, – вполголоса сказал он.

В следующее мгновение изрядный кусок полигона исчез вместе со всеми сооружениями, учеными и вспомогательным персоналом. На его месте образовалась сферическая воронка радиусом полтора километра. В центре громадной сферы, заполненной *небытием*, остался висеть оранжевый столб – не ангельский меч, но скорее дубина, занесенная над миром.

Следующие несколько часов были заполнены ожиданием Конца. Те, кому положено за всех бояться и за всех решать, всерьез полагали возможным самопроизвольное расширение радиуса коллапса и растворения в пространстве Аль-Фараби всей Исландии (где находился полигон), а может, и планеты Земля. Кто-то на полном серьезе предлагал таранить инфернальный столб звездолетом, кто-то искал сумасшедших берсальеров, которые согласились бы отправиться с разведкой в фокус катаклизма.

Однако берсальеры, на свое счастье, остались без работы. Через несколько часов гроздь рассосалась, и ушедшая в точку сфера линейного пространства снова развернулась, возвращая на круги своя сооружения, ученых и вспомогательный персонал полигона.

Люди вернулись.

Однако это были уже *не совсем те* люди. Или – те, да уже не люди?

Часть из них умерла на глазах у подросших спасателей, причем некоторые тела просто сгорели, как свечки. Другие сошли с ума, зато их физическое здоровье не претерпело заметного ущерба.

Третьи стали активантами. В их числе оказался и проницательный математик.

Вот он-то – его фамилия, Тикканен, многое скажет знающим людям – создал общую теорию этого катаклизма и предрек основные сценарии дестабилизации активантов.

Так кто такой или, точнее, что такое активант? Мои предки сказали бы: ифрит. Наши биотехнологи выражаются научно: линейно стабилизированный Квант Аль-Фараби на основании человеческой матрицы.

Активант – это нечто, похожее на человека. Проходящее сквозь стены. Перемещающееся со скоростью урагана. Ведущее себя, как правило, разумно, но в некоторых случаях – алогично и негуманно.

В «горячем» режиме активант находится от пятнадцати до двухсот часов. Он может выполнять задачи, которые не по силам ни человеку, ни большинству машин. После чего он либо возвращается в нормальное линейное состояние и продолжает жить, как обычный человек, либо... переходит в следующую фазовую форму и полностью исчезает в пространстве Аль-Фараби.

Следует подчеркнуть, что когда Тикканен и другие уцелевшие после катаклизма ученые и сотрудники полигона вернулись в наш мир, они находились именно в «горячем» режиме.

В течение нескольких суток после катастрофы в Исландии происходили невероятные вещи, о каких там и не слыхали со времен сказителя Снорри Стурлуссона.

В рейкьявикский бар «У Греттира» появился детина в полувоенной форме. Он без устали повторял фразу «внутри все горит» и глушил минеральную воду бутылка за бутылкой. С виду он выглядел вполне нормально, не дымился и серой не вонял. Но кельнер, прикоснувшийся к протянутой водохлебом расчетной карточке, забился в конвульсиях и упал замертво, будто пораженный высоковольтным разрядом.

Детина в форме – рядовой охранник исследовательского центра Курт Ешоннек. Больше с ним в «горячем» режиме не случилось ровным счетом ничего примечательного. Вскоре он вернулся к линейному существованию. Непредумышленное убийство кельнера было расценено как несчастный случай, а Ешоннек продолжал работу в прежнем, но уже непомерно разросшемся исследовательском центре. Правда, не охранником, а подопытным кроликом.

Туристы, гуляющие по гейзерному полю в окрестностях Геклы, видели двух смуглых девушек в сияющих белых скафандрах, которые, смеясь, плескались в крутом кипятке посреди клубов сероводорода. Шлемов на девушках не было. Вода дымилась на их коротких волосах и белых шеях.

Девушки эти – ассистентки Син Во и Наташа Янг – после возвращения в «холодный» режим порвали со своими женихами и зарегистрировали однополый брак. Они прожили счастливо четыре месяца и умерли в одной постели в один день. Причина смерти – внезапное и полное обезвоживание организма – пополнила копилку необъяснимых загадок природы.

По древним лавовым полям блуждал зловеющий серый силуэт в окружении синих огней. На следующий день широкий язык лавы пробудился от миллионолетнего сна, и огненная змея понеслась по сырým равнинам. Некоторые ракурсы на кадрах видеосъемки не оставляют сомнений, что наплывы на выпуклой бульбе из раскаленного теста, служившей лавовому потоку «головой», оконтуривают черты лица Филипа Метаксиса – наладчика телепортеров.

Огнедышащая змея прочертила черный и прямой, как стрела, след в зеленых пастбищах. Сожгла двух прохожих на приморской дороге. Низринулась в море.

Филип Метаксис пополнил списки официально пропавших без вести.

Были и десятки других инцидентов: комичных, абсурдных, страшных.

Стоит ли говорить, что все приличные люди после этого предложили закрыть тему «стрельбовая телепортация» навсегда? И что наши бонапарты, наоборот, были готовы превратить весь Марс в полигон для дальнейших изысканий?

Победили, конечно же, бонапарты.

Прошли годы. Телепортеры созданы не были. Число жертв умножилось. Но побочные эффекты все-таки удалось с горем пополам приручить. И создать самый сложный в земной истории биотехнологический рецепт.

Этот рецепт позволял перестроить организм добровольца нейтрон за нейтроном, атом за атомом. Законсервировать ифрита внутри человека. И, если надо, при помощи кольца-катализатора выпустить ифрита наружу.

Добившись пятнадцать лет назад назначения в военную разведку, я почти сразу согласился стать активантом. Почему?

Я тогда думал, это несовременно: будучи гражданином империи под названием «Сверх-человечество», чувствовать себя обычным, заурядным человеком.

Ресту-Влайя, обойдя меня кругом, завершила осмотр.

А я завершил свой. Кольцо было при ней! Оказывается, она выломала из него предохранительную мембрану и невеста зачем увенчала им острое навершие своего боевого топора.

– Разведи руки в стороны, – сказала Ресту-Влайя. – Не так. Чуть опусти... Еще чуть... Не поворачивайся...

– Что ты задумала?

– Я понесу тебя. Но для этого мне нужно приделаться к тебе две... как сказать... ручки?

– Может, проще будет нам обоим отдохнуть? А потом пойдем дальше?

– Нет, еще не время для отдыха... Не опускай руки!

Не прекращая говорить, Ресту-Влайя шелестела у меня за спиной своей походной амуницией.

– Ты спишь вообще когда-нибудь?

Задавая этот вопрос, я обнаружил, что по моей груди ползет лента из серебристого материала шириной примерно в ладонь. Она двигалась полностью самостоятельно и притом вполне целенаправленно. Ресту-Влайя привязывала ко мне обещанные «ручки», управляя своей чудолентой непонятным образом.

Каким именно? Я слишком много видел технотудес, чтобы задумываться еще и над этим.

– Сплю. Именно поэтому нам надо спешить. Я не хочу отдыхать под открытым небом.

– И где ты намерена отдохнуть?

– Ты сказал, что все владельцы пространства на Утесе обречены. Я обиделась на тебя. Не буду говорить.

Как выражался бы я на ее месте? «Ты, коварный инопланетный захватчик, хотел, чтобы я изменил своей присяге! Вот я тебе устрою, когда до своих доберемся!» И все прочее, что подобает полковнику Бюро-9.

А Ресту-Влайя вот «обиделась». Это тронуло мое каменное сердце. Мне даже как-то неловко стало.

И не скажешь, что дело в лингвистических затруднениях, что она, говоря «обиделась», подразумевала «злюсь», а я не так понял. Я знал язык тойлангов достаточно хорошо, чтобы различать эти глаголы. Тем более что она не прибегала к выморочной стихоречи, которая в моде среди иных тойлангских вельмож, – вероятно, из-за боязни нарушить свои законы даже наедине с чужаком. Ведь у нее не было Испытания!

– Доставь мне удовольствие, высокородная: не обижайся. Мы на войне, а я – солдат своей расы. Я не хотел тебя обидеть. Всего лишь пытался спасти тебя. А может быть, и нас обоих.

– Спасти от кого?

– От моих соплеменников. Если мы с ними встретимся и они увидят в твоих руках оружие – будут стрелять, не задумываясь. Могут убить и тебя, и меня...

Тут я спохватился, что логическим развитием этой мысли будет «вот почему ты должна отдать свое оружие мне». Она снова обидится, и мы снова пойдем по кругу...

Я поспешно закончил:

– Еще раз прошу принять мои сожаления.

К этому моменту серебристая полоска, пройдя несколько раз под мышками, оплела мои плечи и, как я начал догадываться, образовала у меня за спиной две лямки. Таким образом, из меня получилось нечто вроде огромного рюкзака.

– Я подумаю над твоими сожалениями, – пообещала Ресту-Влайя. – А ты подумай вот над чем: сейчас я тебя понесу. Ты будешь висеть у меня за спиной. Я знаю, это поставит меня

в уязвимое положение по отношению к тебе. Что я, по-твоему, должна сделать, чтобы ты не выкинул какую-нибудь глупость?

Она читала мои мысли. Я как раз понадеялся, что окажусь поблизости от ее боевого топора и, может быть, мне посчастливится все-таки потихоньку стащить кольцо-катализатор.

– Ты уже дважды синтезировала для меня питьевую воду и кислород. Я ведь не настолько глуп, чтобы...

Ресту-Влайя меня перебила:

– Насколько ты глуп – знаешь только ты. Я же знаю только, что тебе надо связать конечности.

Когда она собиралась спать – я не понимал. Но я заснул почти сразу после нашего разговора. Ничего удивительного. Хорошо упакованный пассажир, о котором заботится такое могучее и самостоятельное существо, как Ресту-Влайя, испытывает максимум комфорта при минимуме ответственности. Последний раз я попадал в подобное положение года в три, когда отец, посадив меня на плечи, отправлялся гулять по садам Муллы Садры.

К сожалению, Утес кое-чем отличается от Ширази.

Я открыл глаза. То ли помогла наработанная за годы службы способность загодя предчувствовать опасность, то ли я просто успел хорошо выспаться и зверски проголодался.

Пока я спал, наступили синие сумерки.

Ресту-Влайя по-прежнему шагала сквозь лес, не сбавляя темпа. Поскольку я болтался у нее за спиной на правах рюкзака, я смотрел не вперед, а назад. Когда мои глаза привыкли к неконтрастной, монохромной гамме оттенков синего, я заметил *движение*.

Будто несколько маленьких юрких зверьков – ласок, белок, соболей, – заляпанных грязью до полной утраты естественной масти, синхронно совершали короткие прыжки с ветки на ветку. Это происходило на среднем ярусе ветвей, в двух-трех сотнях шагов от нас, так что рассмотреть подробности было поначалу невозможно.

Я с трудом сдержался, чтобы не вскрикнуть. В следующую секунду пришло осознание того, что я вовсе не обязан ставить Ресту-Влайю в известность об увиденном. Мы же по разные стороны баррикад! Не исключено, что для меня лично загадочные гости угрозы не представляют и даже наоборот – сулят спасение из плена.

Нас преследовало нечто. Это нечто не могло быть стаей местных зверьков. На Утесе вся сухопутная фауна представлена видами не крупнее червя-мотыля.

Понаблюдав за преследователями еще пару минут, я пришел к выводу, что вижу не десяток разных объектов, а один полиморфный – вроде осьминога, выстреливающего вперед свои щупальца, а потом молниеносно перекачивающего через них основную массу тела на следующее дерево.

Итак, не местное животное. А что?

Я начал перебирать варианты. Весьма совершенный кибермех... змееобразный вид инопланетной фауны, завезенный на Утес тойлангами... наш активант...

Активант!

Возможно ли это?

Принципиально – да. Максимальная длительность «горячего» режима активанта – около двухсот часов. Я находился в плену никак не больше шестидесяти. Это даже если считать, что я пробыл в шоковом состоянии после расстрела моей бронегруппы часов десять—двенадцать и проспал сейчас еще столько же (первое маловероятно, второе совершенно исключено).

Остальные вопросы были куда сложнее.

В ясном состоянии рассудка или в затмении находится активант? Понимает ли он, что видит перед собой человека, своего командира по имени Искандер Эффендишах, которого

несет тойланг? Или он думает, что у тойланга за плечами труп, а то и вовсе пустой скафандр? Или он вообще ничего не думает?

Как ни быстро пронеслись эти мысли, расстояние между нами успело сократиться вдвое. Я сморгнул – и этого хватило, чтобы полностью потерять его из виду.

Мне стало не по себе.

Внезапно загудел ливень – мощный, торжествующий.

Ресту-Влайя остановилась, опустила меня на землю, освободилась от лямок.

– Твои извинения приняты, – торжественно возвестила она.

Ее голос прозвучал так неожиданно, что я вздрогнул.

– Что?!

– Я больше не обижаюсь на тебя.

Разумеется, я весь был поглощен высматриванием активанта. Да куда же он запропастился? Дождь вконец испортил обзор, и без того незавидный...

Что делать? Что же делать?! Предупредить ее об опасности? Или понадеяться, что активант будет действовать трезво, то есть убьет Ресту-Влайю и заведет со мной светскую беседу?

В последнем случае я должен был подготовиться, что буду хладнокровно наблюдать гибель существа, которое мне, лично мне, не сделало ровным счетом ничего плохого. И вообще является врагом Сверхчеловечества лишь номинально, ради получения своего драгоценного Испытата!

– Уф-ф-ф... Я рад... – через силу выдавил я. – Почему ты остановилась? Устала?

– Нет. Я решила, что тебя надо покормить.

Что бы там Ресту-Влайя ни говорила, она, конечно же, утомилась. В ее голосе прорывались хрипы. Да и цвет кожи изменился с нежно-салатного на изумрудный.

– Я очень признателен. Не освободишь ли мои конечности? Я должен размяться.

– Освобожу. Тем более что дальше ты пойдешь сам.

Как только чудо-лента сползла с моих ног, я сразу же поднялся и запрыгал на месте, бодро побряхтывая. При этом я зыркал во все стороны, делая вид, что разминаю шею.

И потом все время, пока Ресту-Влайя возилась с синтезатором, я не прекращал тревожно всматриваться в лес.

Активант затаился. «По крайней мере, – думал я, – если он за нами наблюдает, а ведь наверняка наблюдает, теперь ему станет ясно, что внутри скафандра не труп, а дееспособный офицер Сверхчеловечества. Надеюсь, это поспособствует правильной оценке ситуации с его стороны, и он хотя бы не выжжет нас обоих широким конусом плазмы!»

Ресту-Влайя была очень чуткой девицей. Моя тревога передалась ей.

– Ты что-то заметил? – спросила она.

Мое сердце екнуло.

«Не врать! Тойлангам нельзя врать! По крайней мере грубо».

– Да... Какое-то движение среди деревьев, вон там. – Я честно показал в ту сторону, откуда мы пришли. – По-моему, шаровые молнии.

– Вот как? – Ресту-Влайя оживилась и приложила палец к плоскому прибору, который услужливо выдвинулся из поясного отсека ее невероятно сложной полевой экипировки.

– И ведь точно, – она, кажется, обрадовалась, – шаровики есть. Только не там, где ты говоришь, а вон за теми кустами.

Она показала на непролазную «коралловую» чащобу, которая еле угадывалась за стволами деревьев и струями ливня. На девяносто градусов правее от невидимого активанта.

Насчет молний я брякнул, конечно, наугад. А вышло – не соврал.

– Твой прибор находит шаровые молнии?

– Не только находит, еще и управляет, – похвасталась Ресту-Влайя. – Мы их сейчас подзовем, а то как-то темно стало!

– Может, не надо?

– Почему не надо? С шаровиками весело!

Я кое-что сообразил.

– Скажи... Ты действительно умеешь управлять шаровиками?

– Да. Это одно из потомственных искусств моего рода, для которого не требуется Испытат. Сейчас увидишь!

– А не ты случайно управляла шаровиками, на которые я напоролся, выскочив из транспорта?

– Я.

– А как ты там вообще оказалась?

– Так и быть. Расскажу. Я поссорилась со своим двоюродным братом. Он все время шутил, что в первом же бою я стану красной, как носач. – Соль шутки от меня ускользнула. – И никогда не забывал прибавить, что мои старшие сестры оставят меня совсем без наследства.

– Это правда или тоже юмор такой?

– Да какой юмор! – Расхаживая вокруг гудящего синтезатора, Ресту-Влайя в сердцах пнула семейство ни в чем не повинных желтоголовых грибов. – Все идет к тому, что мне придется искать средства к существованию на скучной правительственной службе. Исцеляющим каллиграфом или графическим панегиристом! – Обоих терминов я не понял, несмотря на всю широту познаний в тайлангском языке. – А ведь у меня другие планы на будущее. Поэтому я поссорилась со своим братом и ушла из его войска.

– Так ты дезертир, что ли? – Я ухмыльнулся.

«Где ак-ти-вант? Где ак-ти-вант?» – выбивало барабанную дробь мое сердце, но я уже втянулся в беседу и симулировал заинтересованность рассказом Ресту-Влайи вполне успешно. В конце концов, мне действительно было интересно.

– Нет. В правительственной армии мой уход был бы дезертирством. В благородных войсках каждый подчиняется командиру только из уважения. Если не уважаешь – можешь вести себя так, как сам считаешь нужным.

– Ты ушла без всякой цели?

– Не совсем. Я ушла, чтобы совершить громкий подвиг. Это, по нашим законам, позволит мне получить половину всего наследства. У меня будет собственный звездолет, плавающий замок, четыреста четыре списка древней поэзии...

Ресту-Влайя пустилась в обстоятельное перечисление. Семейство у нее получалось небедное.

«Где активант?!»

– ...и даже экипаж для праздничного выезда в День Кометы!

– Надо понимать, твоим громким подвигом стал я?

– Да. Я знала, где идут настоящие бои, и пошла туда. Я обнаружила на дороге засаду наших правительственных войск. Я подумала, раз они кого-то поджидают, этот кто-то скоро появится. Я отошла подальше, выпустила наблюдательный бот и затаилась. Потом появились шаровики. Я подозвала их и направила к дороге. Тут прилетели вы, раскрыли засаду, обстреляли ее и почти сразу всех наших солдат перебили. Потом вы повели себя странно и выпрыгнули из машин. Но когда начали рваться наши снаряды, я поняла, что вас обстреливают изда-лека, выпустила шаровики и сама побежала к вам.

– Все наши погибли?

– Почти все были убиты на месте во время обстрела. Еще троих уничтожила я при помощи шаровиков и лучевого пистолета, – без колебаний призналась Ресту-Влайя. – Ты не обижаешься на мои слова?

Я, как и большинство профессиональных военных, к подобным вещам нечувствителен. Тем более что меня интересовали сейчас обстоятельства не морального, а практического свойства.

– Нет. Итак, погибли все? Кроме меня?

– Мне трудно ответить на твой вопрос. Когда я уносила тебя в лес, все ваши лежали без движения. Скафандры на них были прожжены или разорваны осколками.

– Ты не заметила ничего странного?

– Какого рода странное я должна была заметить?

– Кто-нибудь из наших солдат горел? С ног до головы? То есть... было такое впечатление, что он окисляется с бурным выделением тепловой энергии?

– Я знаю, что такое горение. Но свободное горение в этой атмосфере затруднено, – наставительно сказала Ресту-Влайя.

– Вот именно! Никто не горел так, будто со стороны специально нагнетали кислород?

Я пытался выяснить, не была ли Ресту-Влайя свидетельницей катализации активанта.

– Нет. А почему ты спрашиваешь?

– Мне важно знать, как умерли мои люди, – обтекаемо ответил я.

– А потом ты будешь плакать? – поинтересовалась Ресту-Влайя. Похоже, она расценила мое подозрительное любопытство как проявление чувствительности.

– Может быть.

«Неужели я ошибся насчет активанта? Может, я видел всего лишь неизвестное нам ручное животное тойлангов?»

– Твоя еда готова. Что будешь делать первым: есть или плакать?

Я не сдержал улыбки.

– Пожалуй, сперва поем.

Поглощать пищу пришлось не самым изящным образом. Я откидывал забрало и быстро запихивал себе в рот шоколадку, галету или большой кусок бастурмы. После чего немедленно восстанавливал герметизацию и ожесточенно жевал, поражаясь, как все-таки громко у меня хрустит за ушами.

Это повторно вернуло меня к воспоминаниям о детстве. Архиполезные рисовые хлопья я поглощал именно так: набив рот до отказа, на несколько минут впадал в жевательные медитации. Что, разумеется, моими родителями не поощрялось. А бабушка попустительствовала: Искандерчик не торгуется по поводу каждой ложки – и на том спасибо.

Ресту-Влайя тоже питалась. Нахимичив в синтезаторе длинных фиолетовых палочек, она грызла их, как кролик: быстро-быстро щелкала челюстями, проталкивая палочки в пасть экономными, точными движениями.

– Хорошо, что меня родственники сейчас не видят, – заметила она.

– Почему?

– Неприлично есть на виду у соревнителя владения пространством.

– Можешь утешиться тем, что я тоже сейчас выгляжу очень глупо по меркам моей цивилизации.

– А в чем твоя глупость?

– Мы редко едим по три куска шоколада за один присест.

– Шо-ко-лад – это? – Ресту-Влайя указала на бастурму.

– Нет. Шоколад я уже весь съел.

– Понятно... Да где же шаровики?! – неожиданно вспыхнула она. – Я же их вызвала давным-давно!

– Да оставь ты их... – начал я, когда...

...Когда из-за массивного дерева, шагах в десяти за спиной Ресту-Влайи, бесшумно вышел... сказать точнее, вытек размытый человеческий силуэт. На его груди висело ожерелье.

Ожерелье из шаровых молний.
Активант.

Струи дождя чурались активанта, старательно огибая его голову и плечи, будто над ним был раскрыт невидимый конический зонтик. В тот же миг я обнаружил, что самая крупная молния, похожая на замороженную модель воздушного термоядерного взрыва, выпала из ожерелья в подставленную активантом ладонь.

В верхней части бесформенного лица активанта раскрылись две лохматые воронки с хищными красными звездочками на дне. Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Предатель! – выкрикнул он.

Удивительно, но я тут же узнал его. Это был Адам Байонс, сержант активантов. Один из трех, с которыми мы попали в засаду. Выходит, все-таки не я один выжил.

В этом крике было все. Байонс узнал меня. Байонс слышал, как мы мирно болтаем с Ресту-Влайей, словно старые знакомые. Байонс отказывался признавать во мне своего начальника, полковника Эффендишаха.

Зная Байонса, было легко понять, что первым делом он выстрелит. Вторым делом тоже выстрелит. И еще добавит.

А потом уже будет разбираться, что делать с трупом тойланга и обожженным, едва живым полковником. А может – и неживым.

Дилемма, которая мучила меня с той самой секунды, когда я заметил преследователя, разрешилась сама собой.

А Ресту-Влайя ее и вовсе не решала. Еще даже не успев обернуться, она выхватила луче-мет и выстрелила на звук. Мое сознание успело зафиксировать, что она попала прямо в центр иноматериального тела Байонса, но это, как и следовало ожидать, не причинило активанту видимого ущерба.

– Падай! – заорал я и, вложив в бросок все силы, врезался в Ресту-Влайю.

Получился классический захват за ноги с броском – как в футболе Америки. Была когда-то такая игра, была такая страна.

Мы оба повалились на землю.

Над нами прожужжала шаровая молния, накачанная энергией активанта. Ударившись о дерево, она взорвалась.

Мой взгляд упал на боевой топор Ресту-Влайи. Заветное кольцо-катализатор было совсем близко ко мне. Стоило только протянуть руку!

Но железко топора, увенчанное кольцом, выскользнуло прямо из-под моих пальцев.

Ресту-Влайя проворно завладела топором. С яростным криком она отшвырнула меня и сама откатилась в сторону.

Вторая молния взорвалась там, где нас уже не было, превратив синтезатор в горелое барахло.

Я вскочил на ноги и с ужасом обнаружил, что Байонс уже совсем близко. Ресту-Влайя, перебросив сектор мощности на максимум, выстрелила в него с расстояния двух шагов.

Если бы не поляризованное стекло моего забрала, я бы, наверное, ослеп. Как вспышку пережила Ресту-Влайя, не могу вообразить. За спиной Байонса несколько деревьев превратились в шипящие уголья, облако пара – по-прежнему лупил ливень! – почти полностью скрыло фигуру активанта.

Он был уверен в своем абсолютном превосходстве.

Он не выстрелил в воительницу струей раскаленного воздуха под давлением в тысячу атмосфер. Он не убил ее шаровой молнией. А ведь это было в тот момент так легко!

Байонс промедлил пару секунд. Ошарашенная Ресту-Влайя, которая просто не догадывалась, с каким демоном имеет дело, покосилась на меня. В ее взгляде читался немой вопрос: «Кто это?»

– Байонс, не надо убивать ее. Я приказываю...

Я не закончил.

Ресту-Влайя с самоубийственной отвагой шагнула вперед и рубанула активанта топором. Сверху вниз! От плохо оконтуренного темени до утонувшего в мареве паха!

Байонс шагнул вперед. И...

Гром и молния!

Ресту-Влайя совершила чудо. Горячий студень, являвшийся в тот миг зримой формой человеческой матрицы Байонса, издал звук слоновьего поцелуя – так остатки воды уходят в горловину раковины. И со скоростью неуправляемой ядерной реакции схлопнулся в обычного, «холодного» Байонса – человека из плоти и крови!

Отгулявшийся активант был облачен в скафандр с герметизированным забралом – как и положено. В ходе катализации активант уносит с собой в «горячий» режим до тонны сопутствующей массы, которая часто, хотя и не всегда, восстанавливается в первозданном виде. Бесследно исчезает только кольцо-катализатор.

Инстинкты Ресту-Влайи опережали ее эмоции. Два энергичных взмаха топора – и Байонс упал замертво с разбитым забралом.

Я редко теряюсь. Но то, что произошло, опровергало разом мои представления о современной войне и теории вероятностей. Я остолбенел.

Чего не скажешь о Ресту-Влайе. Убедившись, что с Байонсом покончено, она резко обернулась ко мне и, держа топор на отлете, заорала:

– Где остальные?! Сколько их?!

Я молчал.

– Клянусь Кометой, сейчас здесь будут два мертвых человека!

Я хихикнул.

– Что?! Не слышу?!

– А как же замок?

– Какой замок, красный ты носач?!

– Плавающий. Плавающий замок. И звездолет. Забыла? Я – твой звездолет и четыреста четыре свитка древней поэзии.

Будь на ее месте человек, после таких слов он бы меня точно прикончил. Ради красоты жеста.

Но для Ресту-Влайи аргумент был выбран оптимально. Ее свирепость сразу же пошла на убыль.

– Ты сын триедино совокупляющейся самки, – проворчала она. – Зачем ты на меня напал?

– Я на тебя не нападал, дочь дуры, а убирал твою башку с директрисы огня. Первый шаровик был твой. И, как ты могла заметить, не вполне обычный шаровик.

– А это был не вполне обычный человек? – Она махнула рукой в сторону Байонса.

– Не вполне.

– У вас таких много?

– Предостаточно. – Я через силу ухмыльнулся, на самом деле мне было тошно.

– Пожалуй, вы можете выиграть войну, – рассудительно заметила Ресту-Влайя. – И все-таки ответь: на меня еще нападения будут?

– Не могу тебе сказать. Думай сама.

– Я понимаю. Сейчас ты огорчен гибелью своего товарища и не хочешь говорить. Можешь оплакать его.

Я не возражал.

Он все-таки был моим солдатом. Проклятая война.

В этой истории с Байонсом было много странного. Можно сказать, сплошные странности. Но, поразмыслив, я пришел к выводу, что полковник разведки в моем лице может все. Даже объяснить необъяснимое.

Первая причина, по которой Байонс-активант мог превратиться в Байонса-человека, была тривиальной: окончание отпущенного времени стабилизации Кванта Аль-Фараби. Величина эта произвольная, регулировать ее наши биотехнологи так толком и не научились. То есть можно было предположить, что «охлаждение» Байонса случайным образом пришлось на те самые секунды, когда Ресту-Влайя размахивала топором. И никакой причинной связи между этими событиями нет.

Вторая гипотеза основывалась на том, что причинная связь есть. Выстрел из лучемета на максимальной мощности, удар топора и (вот что важно) контакт Байонса-активанта с моим кольцом-катализатором на железке топора – роковыми стали именно эти события, взятые вместе, или какое-то одно из них.

Пока я размышлял и копал могилу, Ресту-Влайя занималась вот чем. Она с видом следователя из военной прокуратуры разгугливала по, так сказать, месту происшествия и что-то измеряла. И шагами, и лазерным дальномером. Еще она внимательно рассматривала глубокие звездообразные ожоги, оставленные на стволах деревьев шаровыми молниями.

Наконец она остановилась прямо надо мной и осведомилась:

– Это что за ямка?

– Могила.

– Вспомнила. Вы хороните своих в земле. Руками ты будешь копать до зимы.

– У высокородной есть другие предложения?

– Если бы работал лучемет, были бы. Но я тебе и без лучемета помогу.

Она вытащила из своего костюма приборную панель, при помощи которой собиралась управлять шаровыми молниями.

– Не жалко?

– Игрушка. Дома таких много.

Ее импровизированная лопатка оказалась на удивление производительной. Мы управились довольно быстро. Правда, могила получилась неглубокой, и ее сразу залило водой.

– Мой синтезатор тоже можно похоронить, – некстати брякнула она.

– У меня нет настроения для шуток.

– Ты не понял. Нам теперь нечего есть. А тебе скоро станет нечем дышать.

– Боже мой...

Мне на мгновение показалось, что вот, вот она, ирония судьбы! Байонс все-таки убил меня, полковника-предателя, хотя вовсе и не так, как рассчитывал. Что ж, то-то его душа посмеется.

И тут же, подумав о Байонсе, я осознал, что его останки – это не только тело, но еще и скафандр!

А в скафандр встроен фильтр, который способен жрать местную углекислоту хоть целую неделю, выдавая вполне сносный воздух – правда, почти без азота, но кому он нужен?..

При первом, поверхностном осмотре я обратил внимание только на то, что скафандр Байонса располосован осколками. Мой сержант, судя по всему, успел надеть кольцо-катализатор, будучи уже тяжело ранен. (Применительно к активанту корректнее сказать – поврежден.)

К счастью, его фильтр в отличие от моего оказался цел и невредим.

– Вот эта штука поможет мне дышать, – сказал я Ресту-Влайе.

– Судьба тебя любит.

– Тебя тоже.

Я имел в виду, что выстоять против активанта – это нечто большее, чем везение.

Поняла она меня или нет – не знаю.

Когда мы похоронили Байонса, Ресту-Влайя прикоснулась к моему локтю и сказала:
– Я все проверила. Ты был прав. Твой солдат действительно имел возможность убить меня.

– Стал бы я врать.

– Выходит, ты спас мне жизнь. Зачем?

– Это невозможно объяснить. Единственное, что могу тебе сказать, – не от большой любви к тойлангам.

– Хорошо. Давай отдохнем четырнадцать тиков и пойдем дальше.

– Годится.

Не глядя под ноги (везде были лужи, выбирать не приходилось), я лег на спину и сладко потянулся. Ресту-Влайя последовала моему примеру.

Я лежал сперва с открытыми глазами, потом прикрыл их, потом начал впадать в блаженную дремоту. Но полноценно отдохнуть Ресту-Влайя мне не дала.

– Хочу спросить, – сказала она.

– Изволь.

Я приподнялся на локте.

– Что это такое?

Она похлопала себя по поясу. Там в числе прочих трофеев висел мой инъектор.

Все военные знают наизусть правила поведения в плену у инопланетян. Разрешается назвать свое имя, пол, биографические и биологические данные (например: дышу кислородом, питаюсь молоком). Разрешается говорить на общие темы, выставяющие Сверхчеловечество миролюбивой и толерантной расой. Все, что касается вооруженных сил, – секретно. Технология – секретна. И еще: история человечества до двадцать второго века – секретна.

Вопрос Ресту-Влайи насчет инъектора был явно технологическим. Отвечать на него я вроде бы не имел права.

Ну а с другой стороны – невежливо отказываться от беседы. Невежду тойланг и пристрелить может.

– Это устройство предназначено для того, чтобы вводить в кровь различные химические препараты, – ответил я.

– Целебные?

– Да... Целебные.

– Чувствую, ты говоришь неправду. – С этими словами Ресту-Влайя сняла инъектор с пояса и взвесила его на своей шестипалой ладони.

– Ты проникательна. Я сказал неправду.

В разговоре с тойлангами главное – всегда признавать свои ошибки. И побольше лести!

– Скажи правду.

«Подумаешь инъектор! Да это любому тойлангскому эксперту по землянам известно! Никакой тайны не выдам, если объясню», – решил я.

– При помощи этого устройства я потребляю новостные пилюли. Новостные пилюли – это...

Я объяснил.

Ресту-Влайя задумчиво хрюкнула. У тойлангов две обонятельные ноздри расположены там же, где у человека, а еще две ноздри – атавистические – на затылке. Они служат для охлаждения мозга. Ими-то задумавшийся тойланг и похрюкивает.

– Неясно. По-моему, снова уклоняешься от правды. Как молекулы могут превращаться в мысли?

– Не в мысли, – дурочка – прибавил я про себя, – а в образы! Точнее даже так: импульсы, которые идут по нервам от органов чувств...

Я говорил довольно долго – насколько мне хватило познаний в биохимии и тойлангском языке.

– Теперь ты говоришь правду, – признала Ресту-Влайя и, подумав еще немного, добавила: – А не лучше было бы прочесть книгу, вместо того чтобы вводить себе в кровь такой опасный препарат?

– Книгу надо еще написать, а пилюли наша техника синтезирует автоматически. В книге не будет ничего, кроме текста, а в пилюлях есть звук, зрительные образы, осязание, обоняние...

– Это все не к добру.

– Почему?

– Вредно подменять естественную правду, поступающую от органов чувств, искусственной ложью.

«Ну разве что с философской точки зрения», – подумал я, начиная скучать. Но, изображая заинтересованность, ответил:

– Пойми, это всего лишь способ быстрого получения информации, которую другими путями пришлось бы воспринимать в сорок, а иногда и в сто раз дольше. Я уже сказал, что информационные гипервирусы сохраняются в крови совсем недолго. В ваших временных единицах – пять—восемь тиков.

– А если бы гипервирусы в вашей крови сохранялись долго?

– Это невозможно. Насколько я знаю биохимию...

– И все-таки ответь: если бы сохранялись долго? Четыреста сорок тиков? Или сорок тысяч четырехста тиков?

– Тогда... тогда, в зависимости от конкретной информационной программы, вписанной в гипервирусы...

Я попытался представить себе – каково это: пробыть сутки, а то и неделю в психопро-странстве новостной пилюли. Картинки получались жутковатые.

– Что? Что будет тогда? – не унималась Ресту-Влайя.

– Не знаю, – сдался я. – Человек будет жить в иллюзорном мире. В то время как его тело будет покоиться без движения. Когда начнется истощение организма, возможно, сработают какие-то экстренные аварийные механизмы. Допускаю, что базовые инстинкты победят, и тело человека вслепую, на ощупь, отправится попить водички – чтобы не умереть от обезвоживания. В то время как его сознание будет по-прежнему переживать синтезированную программу. Возможны и другие варианты. Я не специалист, ответить тебе исчерпывающим образом не могу.

– Хорошо. И после этого ты продолжаешь утверждать, что гипервирусы безопасны?

– Они совершенно безопасны. Ученые предусмотрели все мыслимые варианты поведения гипервирусов в крови человека. Они эффективно уничтожаются иммунной системой в любом случае.

– Тогда доставь мне удовольствие. – Ресту-Влайя протянула мне инъектор.

– Ты хочешь, чтобы я принял новостную пилюлю?

– Да.

«А ведь она не знает, что именно нужно для ввода новостных пилюль! – осенило меня. – Значит... Значит, ничто не мешает мне...»

– Подай мне, будь добра, вон ту коробочку... Благодарю...

«Ну что, полковник Искандер Эффендишах... Сейчас или никогда!» – сказал я себе и, не изменившись в лице, продолжил:

– Так, а теперьними со своего топора вон то кольцо.

– Зачем?

«Уклоняться от прямых ответов! Во что бы то ни стало!»

– Ты слишком подозрительна и слишком любопытна. Ты хочешь, чтобы я сделал себе инъекцию? Или без лишних проволочек пойдем дальше?

Ресту-Влайя повиновалась. После встречи с Байонсом она имела некоторые основания доверять мне, не так ли?

Я взмолился, чтобы мое многострадальное кольцо не оказалось намертво пригоревшим к железу топора. К счастью, оно держалось на наконечнике лишь за счет трения. Ресту-Влайя с третьей попытки сняла его и дала мне.

Я взял кольцо. Рука моя не дрогнула.

Оно было сплющено, на его некогда матово-серой поверхности появилась синюшная окалина и несколько ржавых пятнышек крови. Я осторожно сжал кольцо двумя пальцами, добиваясь, чтобы оно приобрело форму, близкую к изначальной.

В итоге кольцо-катализатор превратилось в квадрат со стороной под два сантиметра. Но уродский дизайн и безразмерный размер меня не смущали. Для того чтобы кольцо послужило катализатором «горячего» режима, требовалось лишь символически надеть его на любой из пальцев до упора.

– Так, теперь смотри, как это делается...

С этими словами я надел кольцо на средний палец правой руки.

Ресту-Влайя не сводила с меня глаз.

Я не сводил глаз с кольца.

Ничего не произошло.

Совсем ничего.

Катализатор не работал.

Оставалось лишь делать вид, что так и надо.

Я зарядил новостную пилюлю в инжектор и безучастно наблюдал, как она превращается в прозрачную, будто слеза, водичку.

Конец. Это конец.

Спасения нет.

* * *

И все-таки повстречаться с дружиной ее двоюродного брата мне было не суждено.

Прошли еще два времени суток. Лес сменился лабиринтом кораллового кустарника. Вдали торчали белые башни, сотканые из облаков, которые, казалось, вырастали прямо из земли и уходили в серые тучи. Таких облаков я не видел ни до, ни после. Это были выбросы мусорной материи над тайлангскими стрельбовыми телепортерами в районе замаскированного под заурядную сопку объекта, который впоследствии получил в наших документах название «Оазис Мальстрим».

Да-да, то, что не удалось Сверхчеловечеству, было, как оказалось, достоянием цивилизации тайлангов. На Утесе наша армия впервые столкнулась со стрельбовыми телепортерами, через которые тайланги перебрасывали прямо с Эрруака свои дружины и их амуницию. Вот откуда взялось самоуверенно-ироническое «Ресту-Влайя не летает»: именно при помощи телепортера она намеревалась убраться с планеты восвояси. Что ей и удалось – только без меня.

Но когда мы, качаясь от усталости, стояли на опушке леса, я ничего не знал об Оазисе Мальстрим. Просто смотрел на сгущенное молоко дивных облаков и прикидывал, суждено ли мне в этой жизни когда-нибудь поспать на нормальной кровати, а поутру съесть пару ложечек хотя бы вот сгущенного молока.

– Я ложусь спать, – сказала Ресту-Влайя.

Не успел я промычать что-нибудь вроде «спокойной ночи», как она завалилась на бок. Похоже, она крепилась до последней секунды в надежде, что мы вот-вот дойдем до тайлангских

передовых дозоров. Но не рассчитала силы и мгновенно отключилась, даже не позаботившись о том, чтобы связать меня своей чудо-лентой.

Допускаю, что после встречи с Байонсом у нее возникли излишне романтические представления о моей персоне. Что я привязался к ней, как к родной мамочке, внутренне преобразился и мечтаю остаток жизни провести в обществе тойлангов. А возможно, она была уверена, что мне не хватит смелости пойти куда глаза глядят. Ведь до тойлангских передовых дозоров и впрямь было уже очень близко, а где находится наш десант, оставалось лишь гадать.

Я постоял над ней. Послушал, как она посапывает во сне.

Прикинул, имеет ли смысл попытаться завладеть ее топором. Проснется? Не проснется?

Игра не стоила свеч. Мне все равно не хватило бы духу пустить его в ход против Ресту-Влайи. А таскаться с лишней тяжестью мне не хотелось.

Я зашел в лес, сорвал два гриба – с желтой и красной шляпками. Загадал, что если красная шляпка упадет правее желтой, то пойду направо, и наоборот.

Подбросил шляпки, ознакомился с результатами гадания и пошел налево – держась под деревьями метрах в тридцати от опушки.

Не скажу точно, сколько я шел. Наверняка не так долго, как мне казалось. От жажды я не умер, а ведь отсутствие питьевой воды было первейшей гарантией того, что полковник Эффендишах больше сорока восьми часов не прогуляет.

Помню только, как в голубом мареве Кетрарии А увидел огромную перепаханную поляну, наши инженерные танки и два тяжелых коптера, закрывших полнеба...

Меня вывезли на госпитальный транспорт Пятого Флота, отпаивали и откармливали, а потом потребовали объяснений. Я изложил все очень близко к фактам, даже не нашел возможным скрывать историю с Байонсом. Опустил только две-три подробности – совсем уж незначительные с точки зрения разведки.

Мои действия в плену признали в целом адекватными, но капитан первого ранга Алонсо ар Овьедо де Мицар счел крайне подозрительной ту легкость, с которой я убежал от Ресту-Влайи. За это уцепились и поставили мне в вину задержку катализации активантов в бою на просеке. И предложение об эвакуации десантного корпуса сочли пораженческим. Даром что к тому моменту, когда я смаковал в госпитале куриный бульон, от корпуса остались два полка, а на Утесе сражалось несколько свежих соединений.

В итоге я лишился дубовых листьев и оказался на «Бетховене».

5

Голова – на шее, воздушный крокодил – на привязи

«Аль-Тарик» на связи. По приказу Ставки атаковал Франгарн-164 торпедами. Веду бой с превосходя...»

Сообщение обрывалось на полуслове.

Я весь ушел в воспоминания о своих злоключениях на Утесе. Поэтому воспринять одновременно две новости – хорошую и плохую – был совершенно не готов.

Медленно, сомнамбулически перечитал ленту дважды.

«Вот черт!» – до меня наконец дошел смысл написанного.

Хорошая новость заключалась в том, что тайм-аут закончился и родной крейсер снова в эфире, хотя я уже на это и не надеялся. А плохой новостью было то, что «Аль-Тарик» выпустил торпеды по Комете.

Вне зависимости от результатов стрельбы это означало ответное уничтожение крейсера патрульными кораблями тойлангов. И скорее всего ставило крест на переговорах и на Землематушке заодно.

«Веду бой с превосходя...»

Похоже, тайм-аут, в который без предупреждения провалился «Аль-Тарик», на этот раз рисковал стать бессрочным.

И куда запропастился этот Дурново?

Делать в узле связи было больше нечего. Я на всякий случай настроил автоответчик. Надиктовал несколько сообщений в зависимости от ранга вероятного (на самом деле – невероятного) запроса и вышел из узла связи.

В нашем правительстве-на-час собрались идиоты. Умные в малом, глупые в большом. Раз ответ будет дан в День Кометы, значит, Комету надо уничтожить. Чтобы что? Сами небось не понимают что.

Но нельзя не признать: это самая экстравагантная в истории войн попытка затянуть переговоры.

Быстрым шагом, срывающимся на бег, я миновал несколько дверей и в конце коридора свернул налево, по указателю с красным крестом.

В медицинском отсеке сидели Дурново и Галеацци. Последний был бледен как полотно, но смотрелся уже не живым мертвецом, а скорее прозаическим раздолбаем, который с вечера перебрал синтетического пива. Облачен он был, как и положено пациенту, в трусы, тапочки и прозрачный пластиковый комбинезон.

Полковник и берсальер о чем-то достаточно мирно беседовали. Когда я вошел, Галеацци как раз говорил:

– ...ничего. Уверяю вас, ничего, кроме новостных пилюль.

– Еще раз здравствуйте, господа, – сказал я, как мне показалось, вполне приветливо. Но, вероятно, я был совершенно вне себя, и полковник сразу понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Хотя, казалось бы, куда уж дальше?!

– Что случилось, Искандер?

– Думаю, «Аль-Тарик» накрылся.

– Как?!

Я изложил содержание последнего сообщения и свои комментарии к нему.

– А теперь, господа, я предлагаю подняться на обзорную площадку. Если торпеды «Аль-Тарика» достигли цели, мы имеем шансы убедиться в этом воочию.

– Идемте. – Полковник поднялся и сделал пригласительный знак берсальеру. – Кстати, мы тут с Джакомо имели очень интересную беседу.

– Про «Мерсию» узнал? – бросил я через плечо, выходя из медицинского отсека.

– Первым делом, – ответил Дурново. – Рота «Мерсия» охраняла координационный центр «Пояса Аваллона». А еще была Первая Отдельная рота «Кент», которая стерегла непосредственно блок-крепости.

– Я счел нецелесообразным сохранять военную тайну в сложившихся обстоятельствах, – ввернул Галеацци.

– Понятно. Охрана «Пояса Аваллона». Что-то подобное я предполагал. А фамилию Смыгла вы, Галеацци, слышали?

– Нет, – ответил за берсальера Дурново. – Я уже спрашивал.

Мы зашли в лифт.

– А что значат слова «Мерсия» и «Кент»?

– Так назывались два англосаксонских королевства в Британии времен короля Артура. А Аваллон – это такой мифический...

Лифт тронулся.

– Насчет Аваллона я в курсе. Скажите, капитан Галеацци, вы в плену были?

– Конечно же, нет, господин бригадный генерал! – Берсальер так возмутился, что у него чуть дым из ушей не повалил.

– Ничего постыдного. Я, например, в плену был.

– Вы... вы, господин бригадный...

Галеацци не находил слов. Дурново недоуменно помалкивал. Задавать берсальеру вопросы насчет плена ему явно не приходило в голову. Ведь досье о подобном факте умолчать не смогло бы, а коль скоро в досье нет, значит...

Лифт остановился. Дверь открылась, но выходить я не спешил.

– Поставлю вопрос иначе. Вам, Джакомо, не случалось терять амуницию на поле боя? Скафандр? Оружие? Личное имущество?

– Ну, всего не упомнишь... – задумался берсальер. – Скафандр я, конечно, не терял... Но такие передраги случались, что страшно вспомнить. Однажды у меня взрывной волной из рук выбило «Гоч». Мы уходили из-под обстрела, искать оружие было некогда. Командование сочло, что проступок незначительный. Я отделался устным выговором.

– На какой планете вы его потеряли?

– Кодовое название Утес, система Кетрарий.

Да, на это я во время чтения досье обратил внимание: мы с ним дважды топтались по одним и тем же планетам, только в разных фазах операций. Например, на Утес его роту десантировали, когда я уже сидел в карантине и строчил отчеты о своем платоническом романе с Ресту-Влайей.

– Только «Гоч»?

– Да, практически. С меня еще навесной контейнер сорвало. Со всякой мелочью.

– А где именно произошел этот случай? Часом, не в окрестностях Оазиса Мальстрим?

– Именно там.

– Ну вот, теперь по крайней мере понятно, откуда тойлангам известно его имя, – усмехнулся я, повернувшись к полковнику.

– Понятно?

– Ну, ты же должен знать, что «Гоч» – именное оружие. Во всех смыслах. Его память содержит персональные данные и формулу ДНК владельца. Вдобавок многие берсальеры лепят на рукоять «Гоча» миниатюрную табличку, где выгравированы всякие глупости. Вроде «Любимый мальчик Джакомо Галеацци».

– На моем было «Джакомо Галеацци – парень хоть куда», – уточнил берсальер.

– То-то и оно.

– Теперь понятно, – кивнул Дурново. – И все равно нелегко поверить, что тойланги так вот запросто нашли его «Гоч».

– Могли. Оазис Мальстрим тойланги обороняли, как родную столицу. Их контратаки были весьма успешны. Поэтому неудивительно, что после одной из них на отбитых у берсальеров позициях они подобрали этот злосчастный «Гоч» и вывели о его владельце буквально все.

– А что из этого следует?

– Следует, что мы узнали еще что-то, чего раньше не знали. Верно, капитан Галеацци?

– Я ничего не понимаю. Совсем ничего, – развел руками берсальер.

– Я тоже, – сказал я, и мы наконец вышли из лифта.

Мы находились на макушке башни, которая в отличие от бункерообразного главного корпуса посольства в лучшие дни задумывалась как самоценный архитектурно-художественный объект и заодно носитель наглядной агитации. Башня, точно римская триумфальная колонна, была обвита спиралью ленточного барельефа, повествующего о становлении и лучших достижениях Сверхчеловечества (с точки зрения Сверхчеловечества, конечно).

От амебы до питекантропа, от питекантропа до изобретения колеса, от колеса до приручения лошади... Водяные мельницы... Ветряные... Каравеллы Колумба... Паровая машина Уайта...

Дойдя примерно до середины башни, барельеф с пугающей многозначительностью обрывался. Привезти и установить керамические сегменты с уже готовой верхней частью не успели – началась война.

Не было локомотивов и аэропланов, компьютеров и Гагарина, «Аполлонов» и «Вояджера», не было великих символов термоядерного синтеза и преобразования Аль-Фараби, формул единой теории поля и универсального фага.

Вот такая это была башня. История науки и технологии заканчивалась на ней где-то между 1800-м и 1900 годами.

А духовная история и не начиналась. Будто и не было ее.

На вершине башни, накрытой многослойным стеклянным куполом, находилась обзорная площадка, снабженная различным «наблюдательным», а на самом деле шпионским оборудованием.

Мы до рези в глазах всматривались в даль. Там, над горизонтом, пылала Комета. Хотя на меридиане посольства стояла глухая ночь, было светло, как в Ширазе зимним утром. Край кометного хвоста уже вошел в верхние слои атмосферы Эрруака, и через все небо тянулись белесые нити – следы крохотных ледяных метеоритов.

Я подошел к электронному всережимному телескопу и навел его на Комету. Настроил фильтры, отсекающие атмосферное рассеяние. Разделил картинку на оптическую, инфракрасную, рентгеновскую.

Во всем спектре ядро небесного тела выглядело целым и невредимым.

– Ну что же, господа. «Аль-Тарик» приказ Ставки выполнить не смог. За что ему спасибо.

– А самого «Аль-Тарика» случайно не видно? – любопытствовал Дурново.

– Смеешься? От него скорее всего и облачка не осталось. Даже если бы я знал, какие у него были координаты...

– Прошу прощения. С нами, кажется, хотят поговорить, – перебил меня Галеацци.

Посольство наше стояло на отшибе, в нескольких километрах от столицы, опоясанное двумя полосами отчуждения. Снаружи находилась тойлангская охрана, контрольно-пропускной пункт и стоянка для экипажей, на которых только и разрешалось перемещаться землянам по территории Эрруака. Экипажи были запрограммированы так, что сами привозили послов в Управление Пространств Удаленных, а потом увозили обратно в посольство. Фактически это были передвижные тюремные камеры, пусть и достаточно комфортабельные.

Вторая полоса отчуждения находилась внутри первой и являлась уже нашей, земной линией обороны. Когда-то там, обмениваясь с минами и ловушками кодированными сигналами опознавания, блуждали вооруженные до зубов кибермехи. Но частные дружины, игнорирующие распоряжения центральной власти, дважды брали посольство штурмом – из спортивного интереса. В итоге от наших охранных систем мало что осталось.

Пока мы с Дурново рассматривали Комету, берсальер спустился с небес на землю и обратил внимание на то, что возле тойлангского КПП садится разномастная стая левитирующих аппаратов. Среди них были четыре пассажирских экипажа разных моделей и танк-истребитель. К этому следует прибавить несколько диковинных самоходных орудий, каких в колониях нам встречать не приходилось, и десяток одноместных «мотоциклов».

Над танком-истребителем развевался огромный штандарт. Его символика была видна даже невооруженным глазом: боевой топор и четыре белых лотоса в зеленом поле.

– Войска не правительственные! – изумился Дурново.

– Это как посмотреть. – Я покачал головой. – Знамя принадлежит роду финь-Рэхан финь-Цвэр. Что приблизительно и значит «Топоры и Лотосы» На борту «Кавура», пока ты нашими досье шуршал, я читал свежие разведотчеты. «Топоры и Лотосы» за последние полгода резко усилили свои позиции в структурах центральной власти. Сейчас правительство тойлангов и финь-Рэхан финь-Цвэр – почти одно и то же.

– Военный переворот?

– Наши теряются в догадках. Вроде бы все произошло совершенно мирно. Просто вдруг выяснилось, что все ключевые Управления возглавляются выходцами из этого рода.

– Мне, наверное, надо переодеться? – предположил Галеацци. – Или мы не намерены впускать их в посольство?

– Если мы их не впустим, они въедут к нам в холл на танке. Быстро вниз. Надеюсь, к нам пожаловала не расстрельная команда.

«Топоры и Лотосы» были облачены в парадную боевую форму, а потому и впрямь походили на офицеров SS старогерманского Третьего Рейха в масках крокодилов. Оно и понятно: атмосфера внутри нашего посольства была земная, и они предусмотрительно облачились в аналоги наших легких скафандров.

В качестве такого аналога тойланги часто используют «вторую кожу» – квазиживое образование, которое плотно обволакивает их тело, гарантируя от контактов с враждебной средой. Уже поверх «второй кожи» тойланги надевают одежду, а голову защищают устрашающей зубастой биомаской, в которую встроен дыхательный аппарат.

Через входной шлюз соизволили войти четырнадцать персон. Прочие, численностью до полуроты, остались снаружи, направив на стены посольства разнообразные орудия убийства и разрушения.

Первыми вошли два знаменосца, которые сразу же окаменели по сторонам от входа. Одиннадцать стрелков с оружием на изготовку рассыпались по стенам. Четырнадцатый тойланг, вооруженный только топором в за спином чехле, был, надо полагать, переговорщиком.

Поверх его шикарных одежд на черной цепи из квадратных звеньев висел высший тойлангский орден «Совершенное Управление» – фантасмагорическая плеяда драгоценных камней, залитых эрруакским хрусталем-невидимкой.

– Искандер, здравствуй, – сказал он.

Речевой эмулятор его биомаски издавал леденящие кровь звуки, за которыми интонации живой речи полностью терялись. Несмотря на то что приветствие было вполне мирным и даже неформальным, мне показалось, что меня намерены съесть на месте.

– Народ Земли в нашем лице доводит до сведения владельцев пространства, что пришел с миром, – сказал я скучным голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.